

Светлана
АЛЕШИНА

ТЕНЬ

на клетень

ЭКМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина

Тень на плетень (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Тень на плетень (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор криминальной газеты «Свидетель», и предположить не могла, что репортаж о падении машины с моста обернется такими сложностями! В редакцию заявляется самый настоящий доктор теоретической магии и пытается убедить всех, что данное происшествие – не авария, а «открытие временного канала». Он так активно наводил тень на плетень, что сомнений у сметливой папарацци не осталось – тут дело нечисто. А уж когда прямо в ее редакционном кабинете был найден труп, Ольга ни секунды не сомневалась, что все эти происшествия связаны между собой. Тем более, что произошло еще одно из ряда вон выходящее событие – кто-то пытался ее задушить...

Содержание

Тень на плетень	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Светлана Алешина

Тень на плетень (сборник)

Тень на плетень

Глава 1

Это был непутевый вторник, следовавший как раз за абсолютно несъедобным понедельником, который, как я считаю, вообще даже не день недели, а так, какая-то мелкая пакость, еженедельно плюхающаяся нам на нервы и психику.

Но это было вчера. Сегодняшний же вторник не предвещал ничего необычного, да, наверное, ничего такого и не произошло. По крайней мере, у нас в редакции. А вот в городе Тарасове случилось кое-что. Не то чтобы так уж озадачить, надо признаться, но и не совсем ординарное явление.

Словом, вчера, в неприличный день, за городом упала с моста в Волгу – это у нас река такая – машина «Жигули» девяносто девятой модели. За рулем должен был находиться некий гражданин Будников, тело которого, однако, не нашли.

Некоторые местные издания поспешили сообщить об этом происшествии как о заказном убийстве. Особенно настырно на этом настаивала газетка под почти неприличным названием «Тарасовский листок». Не знаете такую? И не советую даже в руки брать, хотя нет, можно, если вам понадобится завернуть какой-нибудь мусор. Можете взять даже два номера, они того стоят.

Еще раз повторяю: не понимаю, почему эта наглая газетенка, пытающаяся в меру своих скудных силенок конкурировать с моим «Свидетелем», объявила падение машины Будникова заказным убийством, но заподозрить могу. Я не первый день варюсь в этом бизнесе и знаю: если сенсации нет, ее можно сделать. Некоторые привлекают читателей тем, что выдают на первой полосе наглые слоганы, другие же идут дальше, как вот в этом случае.

Допустим, есть такой лакомый кусочек, как непонятное происшествие, а тем более связанное, увы, с чьей-то смертью, поэтому очень несложно еще больше навести тень на плетень, пока наши доблестные органы (те, которые внутренние) не представят реальные доказательства завершения расследования. А пока они это сделают, столько воды утечет, что высосанная из пальца сенсация забудется сама собой по той простой причине, что ее раз пятнадцать успеют сменить другие.

Я бы и не стала обращать внимание на эту скоропалительную публикацию, если бы давненько не кривилась на сам факт существования «Тарасовского листочка». Этот клочок бумажки мне сильно не нравился, и не без оснований. Почему – расскажу в следующий раз, а сейчас я просто собиралась объявить войну конкурентам и показать и городу, и миру, как любили выражаться древние римляне, что дело не стоит выеденного яйца.

А это решение логично означало, что «Свидетель» тоже займется падением «Жигулей» в Волгу.

Первым делом, после того как я приняла столь ответственное решение, была публикация в сегодняшнем номере «Свидетеля» статьи, что за аварией с машиной Будникова нет никакого заказняка.

Я нарочно выбрала этот провоцирующий термин «авария». Ведь известно, что авария – это происшествие, не кончающееся человеческой жертвой, в отличие от катастрофы. Но на таких тонкостях мало кто заикливается, а при случае всегда можно оправдаться простым

недосмотром или отсутствием умысла. В любом случае, я сделала маленькую заявку на информационный междусобойчик, намекнув, что мне известно больше, чем некоторым.

Вторым делом стало проведение рекогносцировки. Другими словами, мне нужно было распределить роли в собственном стане, роль главнокомандующего, разумеется, я навсегда зарезервировала для себя. Сочинением статейки о псевдодубийстве господина Будникова я озадачила нашего «сына полка» Ромку.

Ромка – малолетнее недоразумение нашей редакции – официально вообще-то числится курьером, но так как электронную почту и телефонограммы ему разносить по городу не приходится, а ничем другим занять курьера я не могу, то Ромка целыми днями сидит около компьютера, делая вид, что овладевает сложнейшей наукой – компьютерным набором. Говоря проще, он учится набирать на компьютере тексты.

Постоянно проходя мимо него, я спорила сама с собою на второй коржик, щелкает ли он очередной текст или играет в каких-то монстров.

Второй коржик каждый день горделиво украшал мое обеденное блюдо, потому что всякий раз, как я заглядывала в монитор к нашему недорослю, он там постоянно то ли горилл натравливал на карликов, то ли друидов сводил с циклопами. Воевал, одним словом, в виртуальной реальности на фантастические темы. Дурдом, говоря лапидарнее, но делать нечего, если Ромку занять больше нечем.

Потерпев такое поведение нашего юноши до сегодняшнего дня, я твердо решила положить конец этой возмутительной практике и потому дала ему задание собрать всю информацию о господине Будникове и его исчезновении – я решила именно так обозначить проблему – и нащелкать статью для завтрашнего номера. Пусть начинает работать, засранец, а то он так откровенно кайфует, что даже завидно становится.

Услышав мою команду, Ромка немного подумал, потом кивнул головой и задумчиво пощелкал «мышкой», как я поняла, не забыв сохранить игру в том положении, на котором ее прервала злобная начальница.

Сергей Иванович Кряжковский, патриарх и энциклопедический справочник нашей редакции, тут же, как только я отяготила жизнь юноши непосильной работой, вызвался ему помочь, но исключительно в словесной форме.

– Ты, Рома, сначала постарайся узнать как можно больше не про само якобы убийство, а именно про убитого – сказал он. – Это как раз та тема, на которую мало обращают внимания СМИ, но если повезет, можно будет накопать кое-что любопытное. Покопайся в наших икс-файлах, вдруг что-то есть на этого Будникова. Побольше мелочей: где жил, чем занимался, семейное положение, ну и все такое прочее. Понял?

– Ага, – неуверенно ответил Ромка, покосился на меня и тряхнул головой, наверное, стараясь привести этот прибор в думающее состояние. После игры в уродливых монстров это просто необходимо.

– А кто он такой, этот Будников? – зевнув на середине фразы, спросила меня Маринка, прикрыла рот и опустила голову.

Она сидела за своим столом рядом с дверью моего кабинета. На столе перед ней лежал красочный журнал из породы «Космополитена» или «Каравана историй», и она, не скрываясь, перелистывала все это великолепие, выбирая себе по вкусу то ли историю, то ли вечерний гардероб.

– Гоблин какой-нибудь, – самой себе ответила Маринка, снова зевнув, отчего фраза прозвучала как-то растянуто и потому смешно.

– Я видел по ящику в буфете, когда выходил вниз, – высунулся из-за монитора Ромка, – Будников был в пиджаке и с галстуком. Не похож на гоблина.

– Гоблин – это состояние души, а не форма одежды, – наставительно произнесла Маринка. – Известный профессор Любищев всю жизнь ходил, как будто его только что с дачи привезли, а был ученым мировой величины.

Ромка вздохнул, но сдаваться не собирался.

– Ну, понял, типа, не по одежке, – пробурчал он, – а по уму. Этот Будников все равно не тянул на гоблина, говорили, что он закончил МГУ, а настоящие гоблины если и учились на кого-нибудь, то только или на штангиста, или на боксера. Ну, на шофера еще.

– Любопытно, однако, – пробормотал Сергей Иванович, отрываясь от монитора своего компьютера, – а что делал выпускник МГУ у нас в Тарасове? Он приехал в командировку? А тогда по какому делу?

– Понятия не имею, – ответил Ромка, – по ящику этого не объясняли.

– Так давай узнавай быстрее, мы все ждем, – подтолкнула я его и вернулась в свой кабинет.

Я закурила, постояла у окна, посмотрела на часы и решила, что, видимо, пора выпить кофейку в дружной компании, а иначе грусть-тоска зажуёт меня насмерть.

Не то что слишком уж скучный денек выдался, но какая-то лень явно витала в атмосфере. Работать не хотелось, переживать – тем более, а если уж совсем честно признаться, то я за закрытой дверью кабинета сама, зевнув пару раз, заразившись дурным Маринкиным примером, подумала, что если не взбодриться, то высшее руководство газеты «Свидетель» в моем милом личике будет иметь слишком уж заметный сонный вид.

Придумав такой очевиднейший способ вновь обрести рабочую форму, я вновь подошла к столу, посмотрела на свою наполовину выкуренную сигарету с изогнутым черно-серым цилиндриком пепла и аккуратно, чтобы не уронить этот самый пепел, положила сигарету в пепельницу. Пусть еще подымит, если у нее будет желание, а я пока попрошу Маринку о кофе.

Открыв дверь кабинета, я сразу же встретила глазами с Ромкой, снова высунувшимся из-за монитора.

– Ольга Юрьевна, а вы помните, в прошлом году вывалился из окна один крендель? Ну прямо у себя из дома и еще записку оставил непонятную? Не помните?

– Фамилия у этого кренделя была? – спросила я, пытаясь ненавязчиво привить мальчику навыки четкого изложения.

– А как же. Джапаридзе, – ответил Ромка.

– Это когда он упал на крышу летней палатки, и она вся рухнула в витрину бутика? Витрина разлетелась к чертовой матери, – уточняюще заметила Маринка, – показывали еще по телевизору осколки какой-то огромной вазы или банки, в нее попали стойки палатки, и она того... крякнула и на мелкие кусочки.

– Банка стояла в витрине? – вяло спросила я. – Не смешно. Или в бутике продавали соленые огурцы?

– А я и не смеюсь, – Маринка потянулась, хрустнула суставами и сказала: – Ух ты, смазки, что ли, не хватает? Я сказала «банка», потому что банка – это тара для хранения продуктов. А тот горшок был такой же тарой, только древнегреческой. Или древнеримской.

– Это амфорой называется, скорей всего, – заметил Сергей Иванович, – я тоже припоминаю тот случай. Амфора была не очень древняя, склеенная по кусочкам, и на пользу ей это попадание не пошло.

– Сваргань кофейку, – попросила я Маринку.

Та кивнула и, нагнувшись, вытащила кофеварку, до этого стоящую под столом на подкатной тумбе.

– Я тоже чувствую, что пора, – сказала она, – циклон несется.

– Ага, сонный, – подтвердила я.

– Ольга Юрьевна! – ноюще позвал меня Ромка.

Он встал со стула, наверное, чтобы лучше меня видеть, и на лице его была написана такая обида, что мне стоило больших трудов не улыбнуться. Потом все же, немного подумав, я улыбнулась. Мне это идет.

– Я здесь, – призналась я Ромке, ожидая продолжения.

Было похоже, что мальчик сейчас начнет канючить себе новое задание, иначе какого черта он про Джапаридзе вспомнил? Однако я ошиблась.

– А разве это не интересно? – спросил Ромка, волнуясь и краснея.

– Ты это про что? – не поняла я. – Ты о посуде, кажется, говорил?

– Ну, я вот тут в файлах нашел одну фишку, – поспешно пустился в объяснения Ромка, – Будников, который с моста рухнул, жил по тому же адресу, что и Джапаридзе.

– Может быть, это и интересно, – рассеянно сказала я. – Пока не знаю. Рой дальше, землекоп. Посмотри заодно, кто такой этот Джапаридзе. Я не помню. А почему вдруг у них адрес одинаковый? – очнулась я.

– Все думали, что они братья, а они просто любили друг друга, – усмехнулась Маринка.

– Ревность, что ли? – хмыкнула я. – Или самоубийство от несчастной любви? Ну, ни фига себе!

– Причем классическая ревность: с битьем посуды! – заметил Сергей Иванович.

– Грешно смеяться над покойниками, – зачем-то произнес Ромка. Наверное, он так ненавязчиво пошутил и снова уткнулся в монитор.

– Чего грешного-то? – фыркнула Маринка, выставляя на стол поднос и выстраивая на нем чашки с ложечками. – После того как я умру, мне будет все равно, будут смеяться надо мной твои правнуки или нет.

– Правнуки? – переспросил Ромка, удивленно таращась на нее, – почему же правнуки?

– Потому что я переживу и тебя, и твоих детей, и внуков! – гордо заявила Маринка, беря поднос в руки.

– Давай я отнесу, – предложила я ей.

Маринка молча сунула мне поднос, а сама занялась кофеваркой.

Я отнесла поднос в кабинет, поставила его на кофейный столик и вернулась. Вода в кофеварке уже вскипела. Маринка, вооружившись банкой «Нескафе», обходила свой стол, готовясь перебраться к месту нашего традиционного кофепития.

В кабинете я нажала кнопку селектора и пригласила Виктора к себе. Он ничего не ответил, но я уже привыкла к таким вещам: придет, готова спорить.

Я вернулась в редакцию.

– Идемте, Сергей Иванович, – позвала Маринка Кряжимского, и тот, кивнув, погрузил свой компьютер в сон и встал, осторожно отодвигая стул.

– Во дела! – вдруг сказал Ромка, тоже приподнимаясь. – Я проверил все списки на эту квартиру, и знаете что?

– Знаем-знаем, пошли, а то остынет, – буркнула Маринка, направляясь к кабинету с кофеваркой.

– Нет-нет, вы послушайте! – вскричал Ромка, словно мы собирались уходить далеко и навсегда. – В том же прошлом году внезапно от приступа астмы крикнул один мужик, если помните, он из приподнятых был. Там что-то еще непонятное было, сперва думали, что самоубийство, но потом менты прикрыли это дело. Фамилия его была Гарфинкель...

– Ничего непонятного, – сказал Сергей Иванович, – я хорошо помню этот случай. Эксперты признали внезапный приступ астмы. Даже что-то про магнитные бури говорили, как о провоцирующем факторе. Лекарство у Гарфинкеля было далеко, и он просто не успел до него добраться. Кошмарная смерть, не дай бог никому.

– Ну так вот, – торжествуя воскликнул Ромка, помахивая авторучкой в воздухе, – а жил он в той же квартире, что и Джапаридзе, и Будников, вот как!

– Трое из ларца... – пробормотала Маринка и замолчала.

Я сама молча переваривала услышанное. Чертовщина какая-то... А если не чертовщина, то что?

– Это общежитие? – задала я разумный вопрос.

Ответ предполагался положительным, потому что иным быть не мог. Как еще трое взрослых мужчин могли оказаться в одной квартире?

– Дай-ка, Рома, я сам посмотрю. – Сергей Иванович подошел к Ромке и, заглядывая в монитор его компьютера, завозил по коврику «мышкой».

– Вот, вот, да вот же. – Ромка возбужденно тыкал пальцем в экран монитора, но Кряжимский, нахмурившись, не обращая внимания на его слова, сам проверил все данные.

– Ну, ты что встала, как изваяние, – сказала мне Маринка, подходя с кофеваркой, – пошли в столовку, пардон, в твой кабинет. Если что на самом деле путное, так расскажут.

– Проходи, а я подожду, чем кончится, мне интересно стало, – сказала я.

– Всем интересно, – сказала Маринка, – но только это тебе не Кинга читать. Вот у него интересно, а наш малец просто перепутал или нафантазировал.

– Я не нафантазировал! – возбужденно крикнул Ромка, не замечая, что кричит прямо в ухо Кряжимскому, стоящему рядом с ним.

Сергей Иванович, поморщившись, потер ухо.

– Ну не так громко, молодой человек, – пробормотал он.

– Извините, – проговорил Ромка, – а что она?!

– Я не «что», – гордо заявила Маринка, – а будешь выпендриваться и хамить, сразу вспомнишь свои прямые обязанности. У меня скрепки кончились!

Ромка засопел и уткнулся в монитор.

Маринка, торжествуя победу над подрастающим поколением, поплыла в кабинет, и я – следом за нею.

Мы уже расставили на кофейном столике и чашки и блюда, и даже блюда с печеньем из Маринкиной заначки, как вошли Сергей Иванович и Ромка.

– Все, как я и говорил! – прямо от дверей выпалил Ромка.

Маринка поморщилась и вяло поинтересовалась:

– А ты руки мыл?

– Не-а, а зачем? – растерялся Ромка.

Причем не только он один. Как я заметила, и Сергей Иванович растерянно взглянул на Маринку и остановился, не зная что делать.

– А затем, – угрожающе произнесла Маринка, – будешь продолжать выступать, сейчас пойдешь руки мыть. А мы будем спокойно пить кофе.

– Ладно, садитесь, – вмешалась я, – не нужны нам склоки. Вроде день пока был спокойным.

Все расселись, подошел молчаливый Виктор, сел на свое место, и Маринка разлила кофе. После минуты молчания, прерываемой только воинственным сопением Ромки, я обратилась к Сергею Ивановичу:

– Наш кадет действительно обнаружил что-то любопытное? Вы тоже так считаете?

Кряжимский, как всегда выдержав паузу, потупив взгляд и откашлявшись, проговорил, помешивая кофе ложечкой:

– Согласно нашим данным, все эти люди действительно жили по одному и тому же адресу. Я не могу сказать, что они жили вместе или в одной и той же квартире, хотя адрес и совпадает полностью. Неизвестно, что это за квартира, вполне возможно, что-то вроде общежития. Дом мне известен. Это новое помпезное сооружение на углу Ленина и Некрасова. Довольно-таки престижная штука. Вот, собственно, и все.

– Как в престижном доме может быть общежитие? – недоуменно спросила Маринка. – Странно что-то. Или дом непрестижный, или... или они на самом деле вместе жили.

– Я сказал про общежитие в качестве одной из версий, пока нет других, – заметил Сергей Иванович, поднимая глаза и серьезно глядя на Маринку. – Пока мы не имеем других фактов, кроме адреса в нашем компьютере, мы должны вести себя осторожно, иначе скатимся в желтизну.

– К китайцам, что ли? – беззаботно спросила Маринка и, увидев, что Сергей Иванович смешался, рассмеялась и махнула рукой. – Да шучу я, шучу. Все я поняла, и вы правы.

– Да, вы правы, Сергей Иванович, – сказала я, до этого только молча наблюдавшая за дискуссией. – Вот Ромка у нас откопал это подозрение на сенсацию, пусть роет и дальше.

– Согласен! – вскинулся Ромка и тут же спросил: – А как?

– Обязательно возьми с собою удостоверение, а не только диктофон, и пойдешь к этому дому, – распорядилась я. – Если повезет, сделаешь хороший репортаж...

– Ага, – ехидно добавила Маринка, – а если очень повезет, то поймешь, что в компьютере была ошибка, все чушь и ничего интересного там нет.

– Это мы еще посмотрим, – пробурчал Ромка, быстрыми глотками допивая кофе.

– И я про то же, – щедро улыбнулась Маринка и взяла с блюдечка печенье. – А почему никто печенье не берет? Очень неплохое, между прочим, сама выбирала.

– Уговорила, – сказала я и тоже взяла печенье.

Ромка не стал допивать кофе. Вскочив со стула, он начал метаться по кабинету в поисках диктофона.

Лениво покосившись на его прыжки, я негромко произнесла:

– У Марины в столе посмотри. У меня здесь только мой.

– Только в верхний ящик можешь залезать! – взволновалась Маринка и заерзала на стуле. – В верхнем ящике лежит этот диктофон, и запасные батарейки там же. Больше никуда не лезь! Понял?

– Да понял, понял, – ответил Ромка, вылетая из кабинета, – и не собирался я никуда больше... – донесся его голос из редакции.

– Нашел? – крикнула Маринка.

– Не-а, Марин, тут какие-то пакеты, – ответил Ромка.

– Ты куда залез, мерзавец?! – взвизгнула Маринка, вскочив так резко, что едва не опрокинула стол, и выбежала из кабинета.

– Ну, а мы с вами, господа, – сказала я, улыбаясь Кряжимскому и Виктору, – попьем кофейку в тишине. Милое дело, правда?

– Несомненно, Ольга Юрьевна, – согласился Кряжимский.

Виктор как всегда промолчал, но не думаю, чтобы он был против.

После того как Ромка нашел и отвоевал себе диктофон, я его поставила перед собой и подробно проинструктировала, как себя вести во время сбора материала. Маринка постоянно вмешивалась и дополняла мои слова еще и своими ценнейшими замечаниями.

– Слушай внимательно все, что говорят. Еще лучше повторяй про себя эти слова, и тогда они лучше улягутся в мозгу и ты сумеешь задать нужный вопрос... – наставляла я.

– И не строй рожи, как сейчас, – добавила Маринка.

– Это мимика у меня такая, – попытался защититься Ромка и жалобно посмотрел на Виктора.

Виктор сидел с непроницаемым лицом, делая вид, что все происходящее его не касается.

– Это не мимика, а гримаса, ты не клоун в цирке, а журналист из приличной газеты, – высказалась Маринка.

– А... – начал Ромка, но я его прервала.

– Молчи, – сказала я. – Далее. Как только придумаешь вопрос, задавай его медленно, потому что бывает, что собеседник, не дослушав до конца, уже начинает отвечать. Он не понял еще, о чем ты его спрашиваешь, и говорит о том, что его интересует. Это важно. На основе этого и строй свои следующие вопросы...

– И носом не шмыгай, – вставила Маринка.

– Да понял, понял, – проворчал Ромка.

Я тоже поняла, что если продолжу и дальше инструктировать его в присутствии Маринки, то до добра это не доведет: кого-то побьют.

– Ну иди тогда, если понял, – сказала я, – в случае чего – звони.

– Или ори, если туго придется, – посоветовала Маринка. – Если попадешь в непонятную ситуацию, лучше сразу поднять шум, а потом видно будет. Я всегда так поступаю. Пока проходило.

– Вы с ним в некотором роде разнополюе, – хмуро заметила я. – То, что проходило у тебя, может не прокатить у него, но в любом случае вали отсюда, Ромка, мне уже надоело учить тебя уму-разуму. Все равно бесполезно.

– Ага, – ответил Ромка убегая, а Маринка села за стол и взяла свою чашку.

– Не знаю, что из него получится, – тоном престарелой матроны сказала она, – разгильдяй и думать не умеет. Да ладно думать! Вести себя не умеет прилично. Не удивлюсь, если он там еще сморкаться начнет при помощи двух пальцев.

– Это как? – спросила я только для того, чтобы разговор поддержать.

– Ну, блин, ты даешь, серость, а еще филфак окончила, – возмутилась Маринка. – Вот смотри: одним пальцем так...

– Прекрати! – прикрикнула я. – Что это еще за гадость?!

– Ну, не хочешь – не надо, – обиделась Маринка. – Вот это твой самый крупный недостаток: не хочешь ты учиться новому. Неспособна, наверное.

Глава 2

Ромка ушел, и кофепитие продолжилось уже без лишних разговоров и споров. Первым ушел Виктор, молча кивком поблагодарив меня и Маринку.

Помаявшись в оскорбительной тишине ужасающе долго, наверное, целых три минуты или даже все четыре, Маринка, бросив взгляд на меня, повернулась к Сергею Ивановичу.

– А дом этот, вы говорите, новый, да? – спросила она.

– Как будто ты его не знаешь, – заметила я, – на нем еще две башенки, почти как на консерватории.

– А-а, вон какой! – протянула Маринка. – Да, его совсем недавно построили. А что там стояло раньше? Какие-то домишки-развалюшки?

Сергей Иванович, как многие журналисты его поколения, болевший старым уходящим Тарасовым, вздохнул и, сняв очки, протер стекла платочком.

– Это был район нестарый, – негромко произнес он. – До революции, можно сказать, здесь находилась самая окраина города. Первые дома появились приблизительно в середине тридцатых годов, когда новому тракторному заводу требовалось жилье для своих кадров.

– Коммуналки! – гордо возвестила Маринка и процитировала: – «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная!» Это Высоцкий!

– Здесь были не коммуналки, – мягко поправил ее Сергей Иванович, – а дома-коммуны. Теперь эта форма жилтоварищества, так сказать, уже плотно забыта, может, оно и к лучшему...

– А что... – начала я, но Маринка меня перебила:

– Кстати, о Высоцком! Представляете, что я недавно прочитала в одном журнале: Высоцкий был евреем! – Она обвела нас торжествующим взглядом и, вдруг покраснев, пробормотала: – Извините, Сергей Иванович, но это так неожиданно...

Сергей Иванович снова снял очки и снова протер их. Я сидела и ждала продолжения Маринкиного выпада. Пусть сама вылезает из той лужи, в какую себя загнала. Однако Сергей Иванович, вспоминая о своей национальности всегда в самый неожиданный момент, очевидно, решил, что сегодня этот момент еще не наступил.

– Я такое же слышал и про Пастернака, – мягко сказал он, – тоже как-то необычно, правда, Мариночка?

– Про Пастернака это все знают, – проворчала Маринка, – а про Высоцкого я узнала только вот...

– Ты бы почитала что-нибудь другое, – посоветовала я Маринке, – Елену Проскурину, например. Такие детективы шлепает и, главное, много как!.. Надолго хватит впечатлений и информации.

Сергей Иванович, тоже, видимо, решив, что вопрос исчерпан, надел очки и продолжил:

– О чем мы говорили до... хм... Маринкиного сообщения? Ах да, коммуна! Люди жили как одна семья. Или правильнее было бы сказать, как один большой пионерский лагерь.

– А до коммуны? – снова влезла Маринка, заглаживая свое замечание, прозвучавшее явно невольно, старавшаяся разговорить Сергея Ивановича и тем самым сделать ему приятное, но получилось еще хуже. – А до коммуны там были луга и поля?

– До коммуны? – задумался Кряжковский. – А вот, если мне память не изменяет... – Сергей Иванович вдруг бросил быстрый взгляд на Маринку и, видимо, хотел промолчать, но, с одной стороны, привычка к законченному повествованию, с другой – наверное, желание поделиться своими знаниями сыграли свою роль, и он нехотя закончил: – А до коммуны там было очень старое кладбище, Мариночка.

– Коммуна на кладбище! Вот это да! – удивленно протянула Маринка и толкнула меня локтем. Я едва не облилась кофе, только случайно успела отвести руку. – Кладбищенская коммуна, правда?!

Пожав плечами, я промолчала. Маринка же, увлекшись новой темой, спросила:

– Сергей Иванович, а какое кладбище там было?

– Как вам сказать, Мариночка, – голос Сергея Ивановича стал еще тише, а взгляд еще осторожнее. Я напряглась, ожидая, что же еще такого аппетитного он скажет. Если Сергей Иванович начинает вот так поглядывать на Маринку, значит, он предполагает, что от его информации она может... того... немного понервничать. – Там было кладбище тех людей, которых запрещали хоронить на обычных кладбищах при церквях, – наконец сказал он.

– Самоубийц, что ли? – блеснула Маринка эрудицией.

– И их тоже, – кивнул Сергей Иванович, – да мало ли еще кого, кто умер без покаяния или вообще не был крещен...

Кряжимский замолчал и наклонился над чашкой с кофе, а Маринка начала переваривать полученную информацию. Переваривала она ее так, как ей было удобно и привычно. Вслух то есть.

– «Без покаяния», – фыркнула она, – это значит, что самоубийцы. А те, кого окрестить не успели, это... Это кто же? Кого могли не успеть, если крестили почти сразу после рождения? Младенцев, что ли, хоронили? Ну ни фиги себе коммуна! Как же они в таком месте строить начали?

– Ну как вам сказать, Мариночка, – Сергей Иванович уже начал руками разводить, подкрепляя этим последним ораторским приемом свою речь, – время-то было самое атеистическое, нигилистическое, «мы наш, мы новый мир построим...». Все, связанное с религией, было объявлено глупой старушечьей пропагандой, а заводу нужны были рабочие, а рабочим – хотя бы койка в общежитии. Тогда на эти вещи смотрели просто.

Кофе закончился, и мы все встали и начали убирать со стола.

Сергей Иванович хотел было уйти к своему компьютеру, но Маринка подловила его последним вопросом.

– А вы не перепутали, Сергей Иванович? – сказала она. – Я же все-таки вспомнила! Точно вспомнила. Когда-то на этом месте, на углу Ленина и Некрасова, базарчик был, вот! Базарчик, и никакой коммуны там не было!

Кряжимский, уже дойдя до двери кабинета, остановился, повернулся и улыбнулся.

– Верно, – сказал, он, – был базарчик.

– Ну вот, – обрадовалась Маринка, поднимая со стола поднос, – а вы тут нам страшилки про кладбища рассказываете. Если не было коммуны, то не было и кладбища. Это где-то в другом месте оно было.

– Да нет, Мариночка, – мягко ответил Сергей Иванович, – поселок коммунаров потом сгорел, и это место долго пустовало, а потом постепенно там стали приторговывать граждане из окрестных районов, ну а пять лет назад решили перенести базарчик в другое место, а здесь построить новый дом. Вот так-то.

Сказав все это, Кряжимский вышел, и вслед за ним потопала и Маринка, унося поднос с пустыми чашками.

Я взяла кофеварку, но выйти не успела. В кабинет заглянула Маринка.

– Посетитель к тебе. Мужчина. В костюме, – выделяя каждое слово, доложила она.

Я поставила кофеварку на место и кивнула.

– Приглашай, если мужчина. Куда ж деваться.

Маринка, хмыкнув, подхватила кофеварку и вышла, гордо неся ее перед собой, что было не совсем правильно. Неизвестно еще, что за посетитель пришел, а она ему сразу показывает, что главный редактор не работает, а кофе литрами хлещет.

А может, и не подумает, но я так посчитала, и мне это не понравилось.

Я села за стол, быстро отодвинула в сторону какие-то записки, пододвинула ближе к себе папку, открыла ее и посчитала, что вот теперь я полностью в имидже бизнесвумен.

Открылась дверь, и вошел улыбающийся мужчина среднего роста, с брюшком, лет приблизительно около сорока, одетый во все черное, коротко подстриженный.

– Здравствуйте, вы редактор? – спросил он меня и аккуратно прикрыл за собою дверь.

Кивнув, я пригласила его присесть напротив меня на стул для посетителей.

Мужчина сел и подал мне свою визитную карточку. Я, в свою очередь, дала ему свою, и он представился:

– Я Игнатий Розенкранц, доктор теоретической магии и декан факультета астрологии Петербургской академии оккультизма.

То же самое было написано и в его визитной карточке, украшенной каким-то непонятным знаком вроде планетарной схемы атома.

Я, немного удивленная, улыбнулась и, начиная разговор, пошутила:

– Вас сюда привели звезды, господин Розенкранц?

– Почти, Ольга Юрьевна, почти, – заулыбался Розенкранц, – если вы позволите, я сразу же перейду к делу. Поберегу и ваше время, и свое, тем более что я вижу на основании физиогномических наблюдений, что денек у вас сегодня не самый счастливый, Ольга Юрьевна.

– Что такое с этим днем? – непонимающе спросила я. – Я на него не жалуюсь. Пока.

– Я про жалобы и не говорю, – улыбнулся Розенкранц, – я только сказал, что день не самый счастливый! – В его голосе послышались нотки обиды. – Ну, скажите мне, Ольга Юрьевна, скажите, что этот день у вас самый счастливый в жизни! Скажите!

– Сегодняшний день? – озадачилась я, не понимая, чего ко мне пристал этот мужик. Если он так заигрывает, то стиль какой-то уж очень прихотливый.

– Ну да! – настойчиво произнес Розенкранц.

– Не скажу! – резко ответила я, подумав, что если уж сегодняшний день самый счастливый в моей жизни, то получается, что мне вообще ожидать больше нечего.

– И я о том же! – обрадовался Розенкранц. – Я же так и сказал: «не самый счастливый день».

Я задумчиво посмотрела на этого оракула, пытаясь окончательно сообразить, что же ему от меня нужно, зачем пришел?

– Вы, Ольга Юрьевна, наверное, подумали: «А зачем он пришел?» – спросил меня Розенкранц. – Не буду вас томить, уважаемая Ольга Юрьевна, я пришел просить у вас помощи!

– Гороскопы составлять не умеем, – призналась я, – но возьмемся, если нужно!

Розенкранц рассмеялся:

– Я сам специалист по гороскопам вообще и натальным картам в частности. Могу вам кратко или подробно, по желанию, рассказать о системах Региомонтана, Индуистской школе лакаята или червака-вайшешика. Кармический гороскоп – тоже не проблема...

Я из приличия покивала, делая вид, что разбираюсь в предъявленных мне иероглифах, и вопросительно посмотрела на Розенкранца. Когда к делу-то перейдешь, волшебник? Дама заскучала.

– Мне кажется, вам стало немного скучно, – сказал Розенкранц, укладывая ладошки на стол и продолжая улыбаться, но почему-то не становясь от этого симпатичнее. – Перехожу к делу. Сначала немного теории. Чуть-чуть, только не волнуйтесь. Итак. Седьмого июля две тысячи второго года в три часа утра по Москве произойдет долгожданный конец света.

Розенкранц замолчал и лезвезарно посмотрел на меня.

– Это теория? – спросила я. В моем понимании это сообщение было из разряда сказочек. Но, с другой стороны, если сказка – это то, чего нет и быть не может, то все-таки она ближе, конечно, к теории, чем к практике.

– Пока да, – совершенно серьезно сказал Розенкранц. – В три часа ноль одну секунду это станет практикой. Произойдет смена космических эонов. Это на тонком плане. Здесь в нашем измерении тайфун, цунами, сдвигка тектонических плит, как следствие этого всеобщее варварство, примитив, зарождение новой цивилизации. Наша цивилизация станет Шумером, Эламом, Древним Египтом для далеких потомков. Со временем, конечно.

– А наши книги станут глиняными табличками, – подсказала я, – понятно.

– Не суть важно, – небрежно заметил Розенкранц, показывая, что тема глиняных табличек его не волнует. – Важно то, что большая часть США уйдет под воду, Англия – туда же, Южная Италия – почти вся тоже. От Японии останется несколько островков. Вершина Фудзи, конечно же, будет самым главным островом. Из космоса Япония и сейчас смотрится не очень презентабельно, а после третьего июля... – Розенкранц задумчиво обвел мой кабинет взглядом и после секундного размышления выдал метафору: – Она будет выглядеть как горсть семечек, брошенная на голубой ковер океана. – Словно извиняясь, Розенкранц объяснил: – Мой язык очень метафоричен, потому что оккультизм – это поэзия, поэзия о живом мире вокруг нас и о живых нас в нем.

Я почувствовала, что мне срочно нужно закурить, иначе... не знаю, что иначе, но я почувствовала опасность. Мне стало казаться, что Розенкранц сумасшедший, и сегодняшний день имеет все шансы стать отнюдь не самым счастливым в моей жизни. Это он верно предсказал, негодяй.

– Вы, наверное, подумали, что я сумасшедший? – спросил Розенкранц и покачал головой, словно слову сумасшедших можно верить. – Ради бога, думайте, я не обижаюсь. Я никого не заставляю верить в мои слова, достаточно, что я сам верю в истинность того, что говорю. И не я один, в общем-то. Из известных людей такого мнения придерживались мессир Нострадамус, например, потом... ну, в общем, не суть важно, – снова повторил он.

– Да уж, – охотно согласилась, больше всего желая, чтобы он скорей закончил.

– Я почти заканчиваю со вступлением, – честно глядя на меня, пообещал Розенкранц, – еще только пару фраз скажу. Или тройку. Это недолго. Итак. Конец света, понимаете ли, будет неокончательный...

– Слава богу, – тихо порадовалась я, вынимая из пачки сигарету и закуривая.

– Что вы сказали? А, ну да, конечно. – Розенкранц быстро перекрестился и продолжил: – Вся Великорусская равнина останется практически без повреждений, потому что отцы наши уже пережили свой конец света и отстрадали и за себя, и за своих предков, и за своих потомков. За нас то есть. Вот так.

– Это все? – холодно спросила я. Сигарета вернула мне душевное спокойствие, и я собралась уже расставить все точки над «i».

Розенкранц, видимо, поняв, что его могут выгнать, если он не перейдет к серьезному разговору, умоляюще сложил ладони перед грудью и просительно проговорил:

– Почти. Одна фраза еще.

Я сурово кивнула.

Розенкранц заговорил торопливо, глотая окончания и нечетко проговаривая некоторые слова:

– Существует так называемый треугольник Чистоты. Некоторые школы, например Мюнхенская школа парапсихологии, еще называют его треугольником Силы. Это мистическая формула означает территорию, внешне похожую на треугольник: внутри этого треугольника сохранится все без изменений в тот страшный день. Ничего практически не пострадает, и никто не пострадает. Одна вершина этого треугольника – в Тарасове. Точнее даже могу сказать. Она находится в районе второй городской больницы. Вот теперь с теорией все, Ольга Юрьевна.

Я подозрительно посмотрела на Розенкранца.

– Вы хотите, чтобы мы выступили с этим... вашим сообщением в газете? – спросила я, прикидывая, как бы повежливее послать к черту этого необычного посетителя.

Мне по работе приходилось встречаться с разными людьми, и если сначала я еще стеснялась, то потом поняла, что без некоторой жесткости, увы, не обойтись. Если выслушивать целыми днями всех прожектеров, то не хватит ни сил для жизни, ни времени для работы. Но на мое предположение о публикации апокалиптических прогнозов господин Розенкранц отреагировал отрицательно.

– Ни-ни-ни, уважаемая Ольга Юрьевна! – запротестовал он. – И мыслей у меня таких не было. Если только вы сами заинтересуетесь и захотите, то конечно же, а так – зачем?

Розенкранц пожал плечами, а для наглядности своего отрицательного отношения еще и помахал руками.

– Имеющий уши да слышит, Ольга Юрьевна, – немного напыщенно сказал он, – имеющий глаза да видит. К сожалению, люди склонны замечать летящий камень только в тот момент, когда он падает им на голову. Увы, таковы реалии. И не людей за это винить...

– А кого же? – спросила я, безнадежно тоскуя и понимая, что, похоже, попалась. – Колдунов?

– В каких-то случаях да, безусловно, в каких-то – судьбу. Сами люди часто закрывают глаза на опасности, но это следствие не сегодняшней их жизни, а грехов и несправедливых поступков в прошлых реинкарнациях. Так, следовательно, о деле, – очнулся Розенкранц. – Я долго вам говорил во вступлении о паранормальных явлениях не просто так, Ольга Юрьевна, а для того, чтобы вы поняли смысл моей просьбы и значение ее для меня. Я в ваш великолепный город направлен своей академией в командировку для изучения участвовавших аномальных явлений.

Он замолчал, выжидательно глядя на меня.

– И сильно они участились? – совершенно равнодушно спросила я, заминая сигарету в пепельнице. Мне почему-то стало грустно и одиноко. Вот ведь как: придет незнакомый человек, наговорит какой-то ерунды, и станет на душе то ли тоскливо, то ли пусто.

– Происходит все как положено, – ответил Розенкранц, – мы это давно предсказывали. Перед концом света как раз на границах, а тем более на вершинах треугольника Чистоты так и должно происходить. Хочу вас поблагодарить, Ольга Юрьевна, за то, что вы терпеливо меня выслушали. Я думаю, в милиции так терпимо не стали бы относиться к моим словам. Варвары там средневековые и темные души работают.

– А при чем тут милиция? – удивилась я, заподозрив, что Розенкранц находится в розыске. Я подозрительно посмотрела на его визитку. Можно без проблем самому наклепать такие, и, кроме того, не знаю, как другие, а я понятия до сего дня не имела о существовании этой академии. Хотя сейчас их развелось невероятное количество...

– А вот мы и добрались, наконец, до сути. Понимаете ли, мне для дальнейшего изучения статистики аномальных явлений нужны будут некоторые факты некоторых же происшествий. Эти происшествия разноплановые, некоторые из них числятся даже по уголовному делу. Ну это так органы наши считают, я-то, а теперь и вы знаем, в чем тут дело. Произошел просто выброс энергии в определенной точке пространства-времени, и если кто-то из людей случайно оказывается рядом с этим местом, то бедняге не повезет: он может и погибнуть. Однако может произойти и один из вариантов телекинеза, то есть переноса объекта из этого места и времени в какое-то другое. Но ведь это не всем объяснишь!

Я нахмурилась, потерла виски пальцами и снова ничего не поняла. Что же он от меня хочет наконец?

– А хочу я, Ольга Юрьевна, – словно нарочно демонстрируя, как легко он ориентируется в моих мыслях, проговорил Розенкранц, – по каналу культурного обмена, фигурально выра-

жаясь, получить от вас информацию не секретную, не тайную, не государственной важности, но вы ее можете добыть, а я нет, по причинам вышесказанным.

– Ой, вы уж извините меня, Игнатий... – Я заглянула в визитную карточку, но отчества там не обнаружила.

– Валерианович, – подсказал мне Розенкранц, – именно так: Игнатий Валерианович. Мы из поляков, поэтому и имя такое, для русского слуха не очень привычное.

– Игнатий Валерианович, – официальным тоном произнесла я, – я не понимаю, что конкретно вы хотите. Вы же пообещали, что с теорией закончили, а до дела так и не дошли.

– Извините и не судите строго! – засмутился Розенкранц. – Это привычка профессионального лектора: наобещать, потом под обещание подпустить нужных фактов, пока внимание напряжено, ну и только потом выдать обещанное. Но я старался говорить максимально коротко, максимально! А теперь излагаю суть, после того как вы поняли, что собой представляет моя работа. Одним словом, вчера произошло одно происшествие, которое может заинтересовать нашу академию в том аспекте, о котором я вам говорил. Произошло якобы преступление. По крайней мере, так считают те, кому положено так считать. – Розенкранц со значением взглянул на меня, положив два пальца себе на плечо. Я кивнула, демонстрируя понимание.

Он продолжил:

– Я бы хотел попросить, если у вас имеется такая возможность, узнать максимум открытой информации на этот счет. В ответ обязуюсь упомянуть ваше имя и название вашей газеты в моей новой книге «Протополеменон Апокалипсиса». Если пожелаете, я могу на самых льготных условиях проконсультировать лично вас и вашу газету. Гороскопы, предсказания и прочее, и прочее. Через пару месяцев в Петербурге будет семинар по...

– Остановитесь, пожалуйста! – Я не сдержалась и почти крикнула. Извинившись, я нервно выудила из пачки еще одну сигарету и постучала ею по столешнице. – Какое происшествие вас интересует? – прямо спросила я.

– Падение с моста машины некоего Будникова, – поспешно ответил Розенкранц, видимо, серьезно меня испугавшись. Он весь как-то жалко сжался на стуле, даже втянул голову в плечи.

– Насколько мне известно, тело не найдено. Это сообщалось по телевизору, – пролепетал он, жалобно заглядывая мне в глаза. – Как раз в том месте и примерно в то время, по нашим расчетам, произошло открытие временного канала, и этот Будников мог провалиться в любое другое время и не вернуться из него. Или вернуться, но с полной потерей памяти. Это мне весьма интересно.

Я даже прикурить забыла, услышав о столь неожиданной версии событий.

– То есть вы думаете, что здесь... как бы это... – медленно проговорила я, подыскивая нужное слово, – нечисто?

– Вот именно! Вот именно! – радостно воскликнул Розенкранц. – Термин не совсем точен, но он отлично отображает суть явлений. Нечисто! И я...

В этот момент в кабинет вошла Маринка. Не знаю, что ей понадобилось, но я ее приходу искренне обрадовалась. Она могла меня выручить и избавить от этого мага и астролога.

– Что-то случилось? – с надеждой спросила я.

– Случилось, – сухо ответила Маринка. – Ромка звонил. – И что?

Звонок от Ромки вовсе не был тем событием, о котором можно было бы сказать «случилось». Я внимательно посмотрела на Маринку: не шутит ли по своей дурацкой привычке? Она не шутила и сразу объяснила все:

– Он в больнице лежит. Сломал ногу. Говорит, что какая-то чертовщина с ним случилась.

– Что? – переспросила я и уже по-другому взглянула на Розенкранца.

Тот, подняв брови, уставился на меня.

– Я поняла, что вам нужно, Игнатий... Игнатий Валерианович, – быстро сказала я. – Поняла и думаю, что смогу вам помочь по мере своих возможностей.

– Буду искренне вам благодарен. – Розенкранц встал и несколько театрально поклонился. – Телефон в визитке указан сотовый, он всегда со мною, так что вашего звонка я буду ждать ежеминутно. И, если позволите, сам нарушу ваш покой... как-нибудь позже...

– Конечно, конечно, – ответила я, – тем более что, с одной стороны, я не вижу ничего из ряда вон выходящего в вашей просьбе, а с другой стороны, не думаю, что для меня это будет большой сложностью, потом... – Я хотела еще сказать, что этим делом я уже и сама заинтересовалась, но решила все же этого не говорить. А то обрадуется еще, волшебник, и снова зарядит лекцию на час, а у меня уже просто сил нет слушать его разглагольствования.

Розенкранц еще несколько раз поклонился, шаркнул ножкой и наконец исчез. Я перевела дух с облегчением.

– Кто это был? – спросила меня Маринка, когда за Розенкранцем закрылась дверь.

– Потом. Все потом, – ответила я, – что с Ромкой? Рассказывай подробнее.

– А не знаю я никаких подробностей, – пожала плечами Маринка и села на тот стул, на котором только что восседал декан чего-то там оккультного. – Это все, что он мне сказал. Добавил еще, что гипс ему наложили и согласны отпустить домой. Если мы за ним приедем, то сможем забрать.

– Значит, едем. – Я встала и вышла из-за стола.

Маринка взяла визитку Розенкранца в руки и прочитала ее.

– Ну ни фиги себе! – присвистнула она. – Это он был, да?

– Он, он, – ворчливо ответила я, собирая свою сумку.

– Так ты ему гороскоп заказывала?! – возмутилась Маринка. – Вот зараза! А мне не могла сказать? Мне тоже надо!

– Ничего я ему не заказывала! – рявкнула я. – Он сам пришел.

Я улыбнулась и уже миролюбиво произнесла:

– Помнишь эту фразу из «Бриллиантовой руки»: «Не виноватая я, он сам пришел!»?

– И что ему было нужно, если он сам пришел? – не унималась Маринка. Зажав в руке визитку, она бросилась за мною.

– Он, представляешь, тоже интересуется делом Будникова, – сказала я, выходя в коридор, – говорит, что это все чертовщина.

– Да это и козе ясно! – с такой возмутительной интонацией вякнула Маринка, что я остановилась на полпути.

Сергей Иванович удивленно выглянул из-за своего монитора, услышав наши с Маринкой разговоры.

– Что ясно? Что ясно? – воскликнула я.

– А ты сама будто не понимаешь! – распалилась Маринка – Сергей Иванович же все рассказал, а выводы сделать из его слов проще простого. Это все покойники!

Я посмотрела на Сергея Ивановича, он – на меня, и затем мы вдвоем уставились на Маринку.

– Чего? – медленно спросила я. – Какие еще покойники? Ты ужасиков пересмотрелась?

– Ну да! – Маринка обозлилась и даже покраснела. – Про кладбище-то помнишь? Ну, то-то. Они и коммуны сожгли! А теперь жильцов дома уничтожают по одному. Дом-то кирпичный, его сжечь не получается, поэтому они так и будут уничтожать их по одному, пока весь дом не опустеет. А потом, может, и сами переселятся туда!

Я подошла к Маринке и осторожно приложила ладонь к ее лбу.

– Холодный – произнесла я задумчиво.

– А ты думала, я брежу? – высокомерно ухмыльнулась она, воображая себя наверняка Миклухо-Маклаем среди папуасов. – Держи карман! Я сразу почувствовала, что здесь что-то не то.

– Я не про бред, – серьезно сказала я, – я про то, что лоб у тебя холодный.

– Ну и что? – не поняла Маринка.

– А то, – угрожающе продолжила я. – Лоб у тебя холодный, и заговаривать ты стала о покойниках, чего за моей Маринкой не наблюдалось. Она, насколько я помню, покойников боялась. Ты сама, наверное, покойница, а притворилась Маринкой! Влезла в ее тело, а Маринкину душу сунула куда-нибудь в подземелье! Я такое в одном фильме смотрела... Точно! – крикнула я. – А сегодня же полнолуние!

– Да пошла ты, – обиделась на меня Маринка, – мне и так не по себе, а еще ты пугаешь.

Глава 3

Мы с Маринкой и с пакетом фруктов, которые были закуплены по Маринкиному настоянию, подъехали к корпусу травматологии второй городской больницы приблизительно через сорок минут.

Выходя из машины, я все еще никак не могла успокоиться.

– Ну зачем ему фрукты, Марина, если мы его сейчас или через полчаса, неважно, отвезем домой?

– Отстань от меня! – прикрикнула раздраженная Маринка. – Сами съедим, если он откажется! Я сама, например, не против бананов!

– Ну, так и скажи, что ты их себе купила, – не успокаивалась я, – и нечего тут сочинять про заботу о болящих сотрудниках!

Маринка фыркнула, мотнула головой и замолчала. Мы прошли в приемный покой, узнали все, что нам было нужно, и почти без труда прорвались внутрь корпуса.

Белые халаты, выданные нам невзрачной дежурной девушкой, читающей покетбук Сергея Маузера, мы накинули на плечи. Халат, доставшийся мне, почему-то оказался коротким и узким. На дюймовочек, что ли, они рассчитаны? Скорее всего.

Палата располагалась на втором этаже в середине коридора. Народа в коридоре было немного. Несколько больных в пижамах и в тренировочных костюмах стояли возле окон.

Одним из пациентов у окна оказался и наш Ромка. Мы его узнали не сразу. Правильнее было бы сказать, что это он разглядел нас и замахал рукой.

– Неужели это он? – тихо спросила меня Маринка.

Пока мы подходили, я сама сомневалась, но, наконец, узнала Ромку.

Он стоял, опираясь на два костыля, его правая нога была загипсована до колена.

– Привет! Тебя уже костылями вооружили! – весело поздоровалась Маринка с Ромкой. Она вообще всегда быстрее меня ориентируется в малоприятных ситуациях. – Жаль, что мы Виктора с собою не взяли! – добавила Маринка, поворачиваясь ко мне.

– Почему? – не поняла я.

– А если костыли здесь отберут, скажут, что казенное имущество, как мы его потащим? На руках?

Я промолчала и с любопытством посмотрела на Ромку.

– Привет, – поздоровалась я с ним, – не молчи, индеец, рассказывай, как тебя угораздило поскользнуться на банановой кожуре.

– Не поскользывался я нигде, Ольга Юрьевна. – Ромка шмыгнул носом и облокотился на подоконник локтем. – Это дом такой несчастный, что ли, короче говоря, чертовщина со мной приключилась.

– Какая еще чертовщина? – прищурилась Маринка. – Ты имеешь в виду нечистую силу?

– Ну, кто ж знает! Может, и ее. – Ромка оглянулся и приблизился к нам. – Я точно понял, Ольга Юрьевна, что там что-то не то! Там что-то скрывают! И, во-первых, это комендант!

Слово «комендант» Ромка произнес таким загадочным тоном, что я почувствовала какую-то волну холода, пробежавшую по спине.

– Какой комендант? – негромко переспросила Маринка, и я поняла, что она пугается Ромкиного ответа, ожидая чего-то мистического.

Однако Ромка, который был не в курсе всех этих дел, начал рассказывать просто и спокойно:

– В этом доме есть или управдом, или комендант, или кто там еще, короче, главный над шоферами и дворниками. Комендант очень не хотел пускать меня. А потом еще был один тип мажорный такой, вроде какой-то чиновник из правительства. Он мне...

– Хватит пока, – я постаралась пресечь Ромкину активность, сообразив, что сейчас последует обычный рассказ о трудностях журналистской работы, – Расскажи лучше, что у тебя с ногой. Ты куда ею залез?

– В дверь, – вздохнул Ромка, – меня не пустили через парадный вход, и я обошел дом с другой стороны, а там был еще один вход, наверное, служебный. Там была приоткрытая металлическая дверь, я шагнул, и тут она резко прикрылась... ну, вот и все...

Мы с Маринкой молча переглянулись. Не знаю, о чем подумала она, но я-то подумала, что сама никогда не лезу в чужую дверь, не посмотрев, что там за нею. Это означает, что мне бы дверью прихлопнули голову. Радужная перспектива, ничего не скажешь.

– Ну ладно, а сейчас ты как себя чувствуешь? – спросила я.

– Нормально, ничего не болит. Честно-честно, – сказал Ромка и жалобно взглянул на меня. – А вы на машине, Ольга Юрьевна, да?

– На самокате с пропеллером, – отрезала Маринка и повернулась ко мне: – Что делать будем, шеф?

– Нужно переговорить с твоим лечащим врачом, – сказала я Ромке. – Если он скажет, что тебя можно забирать домой, то мы прямо сегодня и отвезем тебя.

– Если же нет, то получишь вот этот пакет с фруктами и будешь их грызть, лежа на больничной койке, – быстро закончила Маринка, глядя на меня как бы с намеком. Она хотела сказать, что зря я ее подозревала в покушениях на бананы, но я сделала вид, что не поняла намеков.

Ромка сморщился, но тут же с интересом взглянул на пакет:

– А что там? Какие фрукты?

– Это только для больных, – уклончиво сказала Маринка.

– Палата твоя где? – спросила я, чтобы прекратить этот разговор, переходящий в бестолковые препирательства.

– Да вон она. – Ромка махнул костылем в сторону открытой двери с цифрой 13, написанной черной краской на закрашенном белом стекле филенки.

– Давай зайдем туда, оставим пакет, потом попробуем найти твоего врача, – предложила я.

– А я, кстати, сделал небольшой репортаж, – вдруг вспомнил Ромка, неуклюже шагая по коридору, – наговорил на кассету. По-моему, получилось неплохо.

– Молодец, молодец, – неохотно похвалила я Ромку, – но лучше бы сохранил свои конечности в целости.

Мы вошли в палату. Она была шестиместной, но только две койки были заняты. На одной, у левой стены, укрывшись одеялом с головой, спал Ромкин сосед.

Ромкина койка, как я поняла, располагалась справа. Она была разобрана, одеяло скомкано и прижато к стенке. Около прикроватной тумбочки, склонившись над ней, стоял мужчина в белом халате и в белой шапочке. За его спиной не было видно, что он там делал.

– Я здесь, доктор, – сказал Ромка, медленно входя в палату. За ним проскользнула Маринка и сразу же сморщила нос, давая понять, что здешняя атмосфера не про ее тонкую душу.

Врач обернулся, и я увидела, что у него на лице марлевая повязка. В руке врач держал диктофон. На тумбочке лежала раскрытая Ромкина сумка.

Врач, не говоря ни слова, поспешно приблизился к нам.

– В чем дело? – спросила Маринка, выскакивая вперед и разглядывая всю сцену.

Врач так же молча шарахнулся чуть влево.

– Это мой диктофон! – крикнул Ромка, вышагивая вперед и взмахивая костылем.

У него это получилось не очень ловко, и он задел за Маринкину сумку, поддав ее снизу вверх. Сумка подпрыгнула и, перевернувшись, описала вокруг Маринкиного плеча полный круг.

– Ой, – пробормотал Ромка, – извини.

Я предусмотрительно отошла на шаг в сторону. Черт его знает, чем дело кончится, если Ромке приспичило вдруг изобразить из себя рейнджера.

– Это что еще за фокусы?! – закричала Маринка, тщетно пытаясь поймать свою сумку. У нее это получилось только с третьей попытки.

– Он рылся в моей сумке! – вскричал Ромка, показывая кивком на диктофон в руках доктора.

– Грабеж средь бела дня! – проворчала Маринка, но ее раздражение было обращено не против врача, а против Ромки. – Ты легче костылями-то, а то...

Не могу сказать, что я сразу же поверила в версию Ромки. Диктофон – не такая уж редкая вещь в нашей жизни, чтобы можно было любого с этим прибором в руках заподозрить в воровстве именно твоего.

– И... – пробормотала я, обращаясь к врачу, собираясь извиниться перед ним за юношескую импульсивность нашего товарища, но врач, не собираясь вступать ни с кем из нас в приличный разговор, вдруг все так же молча прыгнул на Ромку и толкнул его на Маринку. А вот это уже было подло.

Ромка повалился, Маринка завизжала, врач бросился к дверям.

– Помоги же, что ты стоишь?! – заорала мне Маринка, медленно приседая под весом Ромки, а Ромка, вместо того чтобы стараться сохранять равновесие, продолжал размахивать левым костылем. Но врач уже убежал.

Дверь, распахнутая им, ударила меня в бок. Этот удар как бы придал мне ускорение, и я схватила Ромку за руку.

– Диктофон! – снова крикнул Ромка, вырываясь и пытаясь выскочить на своих трех ногах вслед за похитителем. – Виктор с вами?

– Он там, где все нормальные люди. На работе, – резко ответила Маринка, оправляя платье.

Она отпустила Ромку, теперь уже навалившегося на меня, и отошла в сторону.

– Может быть, тебя еще и в голову ранили? – крикнула она Ромке. – Какого черта распрыгался?

– Ты уверен, что это твой диктофон? – спросила я, выравнивая Ромку и заставляя его оставаться на месте. – Или успокойся, или я тебя отпускаю – и можешь падать! Вторую конечность сломаешь.

– Это не мой диктофон, – хмуро ответил Ромка, прекращая свои попытки потренироваться в беге по больничным коридорам.

– Ну а в чем же тогда дело? – прикрикнула Маринка и покосилась на соседа Ромки по палате. Он как лежал не шевелясь, так и продолжал изображать деталь интерьера. Что за странные люди? Неужели им неинтересно, что происходит у них под носом?

– Это твой! – ответил Ромка Маринке и вздохнул. – У врачей зарплата маленькая, я об этом слышал... но никогда бы не поверил, что...

– Мой диктофон?! – медленно повторила Маринка и открыла уже рот, чтобы высказать свое отношение ко всему происходящему, но тут позади меня послышался негромкий кашель.

Я обернулась.

В дверях палаты стоял мужчина ниже среднего роста, приблизительно сорока лет, с коротко стриженными седыми волосами. На плечах был накинута халат, свисающий до пола. Почему-то первым делом я обратила внимание именно на этот факт. Похоже, что любитель-

ница Сергея Маузера практиковалась еще и в вялых приколах. Нужно будет сказать ей пару ласковых слов, когда мы отсюда уберемся.

Мужчина шагнул вперед и, не обращая внимания ни на Маринку, что понятно, ни на меня, что возмутительно, обратился к Ромке.

– Вот ты где, малыш, – сказал он, достаивая нас с Маринкой только косым взглядом.

– Что вам нужно? – спросил Ромка, и я услышала, как дрогнул его голос.

«Ничего себе, – подумала я, уже более внимательно рассматривая этого визитера, – кто же это такой? Может быть, родственник?» Мужчина по возрасту вполне годился Ромке в отцы или в дяди. Возможно, этим и объяснялась Ромкина робость.

– Мне нужно, чтобы ты не совал свой нос, куда тебя не просят, понял, да? Одну клешню тебе сломали, так это только начало. Постарайся поберечь свое здоровье.

Я резко повернулась к этому наглому гостю, но Маринка опередила меня.

– Вы кто?! – рявкнула она, и я ее прекрасно поняла. После того как тебе едва не сшибли сумочку, потом чуть не уронили, срочно требовалось на ком-то разрядиться.

– Отстань, мамочка, – коротко бросил гость и снова обратился к Ромке: – Короче, пацан, я тебя предупреждал? Но ты продолжаешь свои дела. Придется с тобой разобраться по-плохому.

Мужчина, отведя руку назад, постучал пальцами по стеклу палатной двери. В ответ на эту команду, наверняка украденную из репертуара Куклачева, в палату протиснулись еще два персонажа, отвечающие четкому определению: гоблины. Оба не поражали высоким ростом, но спортивные костюмы, короткие стрижки, сильно развитые надбровные дуги, нависающие над маленькими глазками, не оставляли сомнений в том, что они принадлежат именно к этой разновидности рода человеческого.

Вошедший первым, наверное, был самым отчаянным из этой пары: его нос и лоб украшали старые шрамы, словно когда-то в порядке инициации его качественно повозили мордой по шершавому полу, предварительно рассыпав там пригоршню гвоздей.

– Вот этого малого на костылях в мою машину. Будет вякать – успокоить, – скомандовал седой и отошел в сторону.

Как два бультерьера, в народе называемых свинокрысами, братки переваливающейся походкой подошли к Ромке.

Жертва инициаций пробурчал:

– Ясно. Ну, пошли!

– Одну минутку! – Я удивилась, услышав свой собственный голос, но теперь, когда все внимание обратился на меня, отступить было поздно.

– А тебе-то что? – спросил меня поцарапанный. – Ты к кому пришла? Вот и вали отсюда.

Ромка был зажат с двух сторон и имел весьма жалкий вид.

– Я пришла к этому молодому человеку, – независимо ответила я и рывком, получившимся у меня довольно-таки нервным, достала из сумки удостоверение.

При виде красной книжечки лапы, захватившие Ромку, отдернулись назад.

– Что это у вас там? – проворчал седой и не спеша подошел ко мне.

Затем, что-то бурча, взял мое удостоверение и раскрыл его.

– Фу-ты, журналюшка! – презрительно оттопырив губу, произнес седой, но, задумчиво посмотрев на своих бультерьеров, махнул им рукой, и братишки отошли на шаг.

– Короче, ты понял, да? – снова обратился седой к Ромке. – Мне придется с тобою поговорить, если снова будешь вести себя невежливо.

Помолчав для солидности, седой негромко добавил:

– Давайте отсюда в отвал, ребята.

Бандиты не выразили никакого отношения к столь быстрой смене команд, просто повернулись и вышли, как безмозглые роботы, не умеющие интересоваться смыслом своей работы, а только тупо выполняющие заложенные в них программы.

За ними вышел и седой.

Мы остались в палате вчетвером. Второй Ромкин сосед как спал или упорно притворялся спящим, так и продолжал благополучно это делать.

Маринка прошла и села на Ромкину постель, брезгливо отодвинув комок одеяла.

– Что здесь происходит? – задала она законный вопрос.

Ромка шмыгнул носом и проковылял до нее. Сесть рядом с Мариной он не решился, прошел дальше, сдвинул подушку к стене и тоже сел, поставив перед собой оба костыля.

– Я, кажется, задала вопрос, – надменно повторила Маринка, глядя прямо перед собой, – долго будешь молчать?

– Да уж, пожалуйста, – согласилась я, пододвинула табурет и села на него. – И давай по порядку. Что там у нас было сначала? Диктофон?

– Это мой диктофон! – вскричал Ромка. – Точнее, ее диктофон! – Он ткнул пальцем в сторону Маринки. – Вот он в сумке лежал, а этот его спер!

Ромка схватил свою расстегнутую сумку и заглянул в нее.

– А журнал оставил, – грустно закончил он.

– А кто это был? – спросила я. – Совсем неизвестный человек?

– Врач, что ли? – переспросил Ромка. – Да понятия я не имею! Я его никогда раньше не видел! А мой лечащий врач совсем другой, и вообще это женщина.

– А толстый – это кто? – продолжила допрос Маринка.

– Это и есть комендант дома, – возбужденно ответил Ромка, – я же вам о нем рассказывал, он еще и там, около дома, мне все угрожал, а вот сюда, вы и сами видели, даже с бандитами пришел!

– Чем ты его так достал? – улыбнулась Маринка. – Сравнил с бегемотом?

– А ни фиги! Я просто...

– Короче, как я поняла, нужно уходить отсюда быстрее! – оборвала я. – Даже еще скорее, чем быстрее, мне как-то уже надоели ваши новые знакомые, юноша.

– Да, нервируют, – согласилась Маринка, – ты в знакомствах неразборчив, Роман. Рано тебя выпускать на самостоятельное дело: портачишь с полоборота.

– Да я... да они... – заволновался Ромка.

– Молчать! – крикнули мы с Маринкой одновременно, и я встала с табурета.

Ромка замолчал и жалобно заморгал на меня.

– Собирай вещички, – скомандовала я, – три секунды тебе на это.

– Две, – поправила меня Маринка, – я уже устала ждать.

Мы помогли Ромке встать, повесили ему на плечо его сумку и решили, что до моей «Лады» он пойдет в своем тренировочном костюме – не простудится.

Пока мы шли по коридору, я постоянно оглядывалась, честно говоря, опасаясь, не преследует ли нас какой-нибудь сюрпризик вроде гоблинов или врача-ворюги, решившегося покушаться еще и на мой диктофон.

То, что происходило в этой больнице на наших глазах, явно нуждалось в расследовании, объяснении, проверке и в последующем репортаже. Но, как мне казалось, раскопка этих загадок займет времени примерно столько же, сколько понадобилось Шлиману. Слишком уж все было непонятно, но начинать, наверное, нужно было с дома. Все секреты должны были найти объяснение там.

Мы вышли во двор, и ничего не произошло. Хотя моя машина и не является, разумеется, моей крепостью, но иметь под собою четыре колеса, готовых вращаться в том направлении, куда я скажу, со скоростью под сто километров в час, – успокаивает.

«Ладушка» стояла на расстоянии пяти-семи метров от входа в корпус травматологии.

Справа был выезд из больницы. Там же, справа, чуть в отдалении от «Лады», стояла черная блестящая «Ауди» с тонированными стеклами.

Еще несколько машин попроще – «Жигули» и «Москвичи» – стояли левее моей «ладушки». Наверное, хозяин «Ауди» подумал, что ему неприлично становиться в один ряд с отечественным автохозяйством, и он гордо приземлился в отдалении.

Как только мы вышли на крыльцо, двери «Ауди» распахнулись, и из нее показались знакомые нам гоблинские рожи во главе со своим комендантом. Комендант выполз с правого переднего сиденья машины, гоблины – из задней двери.

– Продолжение следует, – пробормотала Маринка. – Явление питекантропов – два.

– Есть такое впечатление, – так же тихо ответила я. – Достаю свой сотовик и вызываю милицию. Плевать на гордость. Пусть мне будет стыдно. Потом.

– Какая может быть гордость?! – закричала Маринка. – Жизнь дороже!

Мы не стали выходить на дорогу, а так и продолжали стоять на крыльце, глядя, как к нам приближаются недавние знакомые. Комендант остался стоять рядом с «Ауди». Он вынул сотовик и, набрав номер, поднес его к голове.

Взглянув на нас, комендант усмехнулся и повернулся к нам спиной.

Братки неторопливо подошли ближе, и, не поднимаясь на ступени, поцарапанный сказал:

– Ну, в общем, короче, этого парня приглашают в гости. Ничего ему не будет. Поговорят – и пока.

Я переглянулась с Маринкой. Маринка промолчала, а я предельно вежливо поинтересовалась:

– Что значит «пока»? Никуда он не пойдет!

Отступив на шаг, я дернула из сумки сотовый, приготовившись уже нажать цифры «ноль-два».

Инициированный браток повел головой и шагнул за мной, протягивая лапы. Ромка загородил меня костылем, Маринка крикнула, не слишком громко, а так, для разгона, и тут нас всех отвлек рев двигателя.

Зеленые «Жигули», до этой секунды тихо и мирно стоящие в одном ряду со своими собратьями, вдруг резко сорвались с места и с рыком помчались к выезду из больницы.

Второй браток, чуть задержавшийся на дороге, быстро прыгнул на ступеньку. Видно было, что он испугался неожиданно резко рванувших мимо него «Жигулей».

Мы все проводили взглядом эту взбесившуюся машину. Стекла «Жигулей» были не тонированными, и я с удивлением разглядела за рулем человека в белом халате.

В те секунды я и не подумала, что это может быть наш доктор – любитель чужих диктофонов. Не было времени думать.

Зеленые «Жигули» мчались прямо на коменданта, оставшегося стоять рядом с передней дверкой «Ауди». Я видела, как постепенно раскрывается рот коменданта, словно он хотел что-то сказать, как медленно опускается его рука с сотовым телефоном, а потом вдруг с прытью, неожиданной для такого заживевшего и в общем-то немолодого человека, он отскочил в сторону.

Дорога окаймлялась бордюром, за которым нечесаными природными космами торчали в разные стороны ветки чахлых кустарников. Комендант напоролся на один куст, отпрыгнул, попал задницей на второй, с третьей попытки он просто упал на землю и закопошился там, размахивая руками и ногами.

А в это время на дороге происходила коррида, выдержанная в отечественно-механизированном ключе.

«Жигули» на полной скорости врезались в левый бок «Ауди», смяв ей крыло и вбив приоткрытую дверку в салон.

Я забыла про свое желание позвонить, гоблины, казалось, забыли про нас, и все мы стали зрителями, находящимися в одном партере.

Представление на одном бодром бодании не закончилось.

С повизгивающим рычанием «Жигули» отъехали назад и снова ударили «Ауди» в борт. И вот только после второго прицельного пинка «Жигули» объехали опозоренного врага и помчались по дороге к выезду.

– Ну, ты глянь, какая дрисня на колесах, – ошарашенно проговорил поцарапанный браток, судорожно дергая себя за ремень на животе.

– Ну, вы что там коптите?! – тараща глаза, заорал поднявшийся из кустов комендант. – Хряйте сюда, бегом! Бегом!

Гоблины робкой трусцой помчались к нему.

В это время комендант, нервно вздрагивая всем телом, оглядывался и тыкал жирным пальцем в трубку сотового телефона, набирая номер. Братки подбежали к нему и принялись бережно выводить свое руководство из зарослей.

Под шумок, или, как принято заезженно говорить, «пользуясь случаем», мы втроем тихо и спокойно, правда, все-таки в темпе вальса, погрузились в «ладушку» и выехали из этого места ристалищ.

В зеркало заднего вида все время до поворота я наблюдала, как два бультерьера, превратившись в две лошадиные силы, старались развернуть покореженную «Ауди» носом к выходу.

Только очутившись на оживленных улицах города, я почувствовала некоторое успокоение.

– Мне кажется, Ромка во что-то влип, – заявила Маринка.

– Есть такое впечатление, – ответила я. – Эй, молодой чемодан, давай рассказывай подробнее все, что произошло у тебя на задании.

Глава 4

Мы отвезли Ромку к нему домой, а сами поехали с Маринкой в редакцию.

В редакции мы застали обоих наших оставшихся там мужчин. Сергей Иванович, как всегда, сидел за компьютером, а Виктор с помощью кофеварки настойчиво изобретал чай.

– Ну что там наш попрыгунчик? – спросил нас Кряжимский, как только мы показались в дверях.

– Он-то нормально, если не считать, что мы сами чуть попрыгунчиками не стали, – проворчала Маринка. – Что ты тут сочиняешь?! – вскричала она, обращаясь к Виктору. – Кофеварка – это тонкий прибор, не предназначенный для твоих дурацких экспериментов.

Она оттеснила Виктора от своего стола и, фыркнув несколько раз, всыпала еще чайной заварки в кофеварку.

– Не пропадать же добру, все равно ерунда получится, потому что...

– Потому что не ты делала, – закончила я за нее и обратилась к мужчинам: – Нам есть что вам рассказать, господа.

– Не спеши, Оля, я сама, – встряла Маринка и начала размахивать руками. – Короче, Ромка влип! Он пошел к дому, где жил этот мужик, с моста рухнувший... Как его там, Оль?

– Будников, – скучным тоном ответила я, понимая, что придется пока взять паузу.

– Ну да, правильно, Будников. Ромку не пустили даже в подъезд, потому что дом крутой и охранник сидит внутри подъезда. А комендант здания – Ромка на него нарвался сдуру-то, словно ему не говорили быть осторожней, – предупредил его, чтобы Ромка уходил подобру-поздорову, а то хуже будет. Но мы же все знаем Ромку-то...

Маринка сделала эффектную паузу, за которую я успела зевнуть и зайти в свой кабинет.

Я не стала закрывать дверь, потому что само собой планировалось совещание у меня за кофейным столиком. Подойдя к столу, я набрала номер телефона Фимы Резовского, моего старинного приятеля по существу и адвоката по совместительству. Фимы не оказалось на рабочем месте, и я передала секретарше просьбу, чтобы он мне перезвонил, как только объявится.

Положив трубку, я прислушалась. Через открытую дверь доносился возбужденный голос Маринки, повествующей о пожарах и взрывах, прозвучавших сегодня на нашем пути, причем, судя по расписываемым подробностям, роль абсолютной героини сериала Маринка отводила, безусловно, себе любимой. Я была где-то там, на заднем плане, а Ромка вообще работал статистом в этом театре одного актера. Актером была, понятно, Маринка.

Однако, если отвлечься от красот и описаний, Маринка в общем верно придерживалась сути событий, ну а уж отделить пшеницу от плевел наши умные мужчины, я думаю, сумеют.

Я закурила, набираясь терпения.

Когда моя сигарета подходила к концу вместе с терпением, в кабинет торжественно вошла Маринка, неся в руках поднос с чашками, за нею буднично шел Виктор с кофеваркой, полной свежего чая, а сзади семенил взволнованный и раскрасневшийся Сергей Иванович.

– Я так понимаю, что вы уже все в курсе, – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнесла я, садясь на свое место за кофейным столиком.

– Да, я рассказала кое-что, – небрежно сказала Маринка, бросив настороженный взгляд на меня. Ей очень хотелось узнать, не захочу ли я выдать вторую версию событий, менее героическую и более правдоподобную. Я не захотела: времени было жалко.

Сергей Иванович, как только уселся на стул, сразу же снял очки, нервно протер их, покачал головой и посоветовал позвонить майору Здоренко.

– И что мы ему скажем? – спросила Маринка, разливая чай.

– То, что за смертью Будникова кроется что-то серьезнее простой аварии, – ответил Кряжский. – Вы заметили, как сразу переполошилась и охрана дома, и кто-то еще, скрывающийся под видом врача?

– Тут много непонятного, – засомневалась я, – непонятно, кто и главное – зачем! Этот врач явно выручил нас, тут сомневаться не приходится, но зачем он это сделал? И зачем он украл диктофон?

– Скажем так, – важно произнесла Маринка, – есть мнение, что врач, укравший диктофон, и человек в белом халате, похулиганивший на дороге, – это один и тот же человек.

– Скажем, – согласилась я, – а еще скажем, что нет прямых доказательств, что все это связано с Будниковым. Что тут общего? Только дом! Дом – и все, собственно!

– Ох, чует мое сердце, – застонала Маринка, – не туда мы влезли, не туда! Этот дом с кладбищем под фундаментом нам еще даст прикурить! Вы разве не видите, что место это плохое?! Там все словно взбесились!

Я не успела ответить, как в редакции послышались неторопливые шаги.

– Мама, – прошептала Маринка, закрывая лицо руками.

– А почему не папа? – с озлоблением произнесла я и встала, но Виктор меня опередил. Он легко поднялся со стула, добежал до двери кабинета и вышел из комнаты.

После него, честно скажу, мне и самой идти уже было не так страшно.

В редакции я увидела Виктора, разговаривающего, точнее говоря, кивающего незнакомому мужчине. Это был холеный джентльмен в хорошем костюме, в стильном галстуке. Глядя на него, сразу же приходила мысль о преуспевающем бизнесмене или об областном чиновнике, плотно сидящем трудовой задницей на финансовых потоках.

Виктор оглянулся и кивнул – теперь уже мне. Это означало в переводе на человеческий язык, что джентльмен спрашивал меня.

– Я главный редактор Бойкова Ольга Юрьевна, – представилась я гостю.

Виктор мягко обошел меня и вернулся в кабинет.

– Очень приятно, – осклабился джентльмен, поглаживая меня влажным взглядом. От таких взглядов я разучилась краснеть совсем недавно. Пусть посмотрит, может, хамить не будет, как говорит Маринка в таких случаях.

Джентльмен протянул мне свою визитку и тут же озвучил ее:

– Балашов Сан Саныч, помощник вице-мэра по социальным вопросам.

Тут я увидела, что из кабинета с очень деловым видом выходят Маринка с Кряжским и, не обращая на нас внимания, направляются к компьютеру Сергея Ивановича. Виктор остановился возле кабинета и вопросительно посмотрел на меня. Я ему улыбнулась и повернулась к Балашову.

– Прошу ко мне, – пригласила я его.

В кабинете Сан Саныч быстро осмотрелся, пробормотал что-то вроде «миленько-чистенько» и, подождав, когда я займу свое командирское место за столом, сел напротив на стул для посетителей.

– Чем могу быть полезной? – спросила я, и Балашов не стал тянуть кота за хвост, он оглянулся на закрытую дверь и, снова улыбнувшись мне, с невинным видом произнес:

– Я посмотрел нужные бумажки в министерстве информации области. Вашей газете через два месяца нужно будет продлевать лицензию. Кроме того, у санэпидстанции были к вам какие-то претензии в прошлом году, но это мелочь, конечно же. Госкомимущество, как я слышал, имеет виды на это здание, хотя срок аренды у вас еще и не истек... – Балашов замолчал и вновь одарил меня сладкой улыбкой.

Мне улыбаться не хотелось.

– А в чем суть дела? – холодно спросила я.

– Хорошая у вас газета, – с чувством произнес Балашов, словно не расслышав моего вопроса.

– Я в курсе, – призналась я.

– Мы все были бы заинтересованы, – с убеждением в голосе произнес Балашов, – чтобы ваша газета выходила каждый день, каждый месяц и каждый год.

Он замолчал, выжидающе глядя на меня. Я выбила из пачки сигарету и закурила.

– Курить можно, – нейтральным тоном сказала я. Смысл моей фразы был, однако, обратным: кому можно, а кому и нежелательно. Поднатасканный в подковерной чиновничьей возне Сан Саныч понял меня правильно.

– Спасибо, – добросердечно поблагодарил Балашов, – но я не балуюсь такими вещами.

– А я балуюсь, – с вызовом ответила я. – Потрудитесь, пожалуйста, уважаемый Сан Саныч, объяснить суть вашего визита. А то вы пришли сюда, пугаете бедную девушку, и я даже и не знаю, что про вас подумать.

Это было правдой. Ясно, что Балашов пришел в редакцию «Свидетеля» не просто так, не затем, чтобы познакомиться со мною, хотя ради этого тоже можно было бы прийти. Было два варианта объяснения его прихода. Оба варианта назывались одним словом «вымогает». Только вот что конкретно?

Вряд ли он пришел просить денег на какую-то областную или городскую программу и вряд ли на программу свою, личную. Это делается по-другому.

Вряд ли он пришел «приструнить» нас за какой-нибудь ставший неугодным репортаж. За последнее время мы не публиковали никаких громких материалов, затрагивающих городские или областные власти. В портфеле редакции тоже не лежало никакой бомбы. Что ему нужно?

Я думала и пока не находила ответа, поэтому решила спросить напрямую, тем более что сам Балашов не злоупотреблял дипломатическими изысками, а сразу, с первого же шага, если можно так сказать, дал мне понять, что в состоянии устроить мне грустную жизнь. Ишь ты, даже санэпидстанцию приплел, мелочный какой!..

– Ну что вы, Ольга Юрьевна, – всплеснул руками Балашов, – как я могу пугать такую замечательную девушку и наверняка такого великолепного организатора, как вы! Что вы! Я пришел сюда как проситель и очень надеюсь, что вы со вниманием и пониманием отнесетесь и к моей скромной персоне, и к моей маленькой просьбочке!

После того как на меня, можно прямо говорить, наехали, и довольно беспардонно, я не намерена была любезничать ни под каким соусом.

– Излагайте вашу просьбочку, – все так же холодно сказала я, – я внимательно слушаю.

Балашов вздохнул и притворно потупил глазки, словно застеснялся чего-то.

– Ну зачем же вы так сухо и сурово, Ольга Юрьевна! – наигранно огорчился он. – Однако если вы настаиваете, то я, пожалуй, и приступлю. – Он еще удобнее расположился за столом, как будто не он у меня, а я у него была в кабинете, положил локти на стол, скрестил пальцы и произнес: – Вы наверняка в курсе, что на днях произошло прискорбное событие, одно в череде нескольких. – Балашов сделал паузу и настороженно взглянул на меня. Кажется, мой взгляд не отобразил ничего хотя бы потому, что я ни о чем не успела подумать. Балашов еще раз вздохнул и продолжил: – Произошла авария, и трагически погиб мой товарищ по совместной работе и хороший знакомый Будников Иван Алексеевич. Он работал по договору с администрацией, и нам, – Балашов выделил слово «нам» интонацией и паузой, – не хотелось бы, чтобы к этому, еще раз скажу, трагическому событию было обращено пристальное внимание прессы и, как следствие, граждан.

Балашов замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

– Что вы называете «пристальным вниманием»? – спросила я. – Погиб человек, если он погиб, конечно, – я увидела, как при этих словах у Балашова удивленно взметнулись брови, –

труп-то не найден пока, – мягко напомнила я, опережая его вопрос. – А вы наверняка помните принцип: «Нет трупа, нет и...»

– Он погиб, – сокрушенно вздохнул Будников, – но я вас понял, Ольга Юрьевна. Вы правы. Если происходят такие события, то не писать о них нельзя, но ведь можно же не смаковать горе людей! Человек умер, это печально, но это не повод для сенсации.

– Не повод, – согласилась я. – Но никто сенсации и не устраивает. Мы заинтересовались этим делом исключительно по причине его незавершенности. Если я правильно понимаю, расследование еще продолжается, и дело прокуратурой не закрыто. Какие претензии к нам? Мы ни в чем не нарушили закона о средствах массовой информации. Ведем себя прилично, как всегда...

– Прилично, – с сомнением покачал головой Балашов. – А это, простите, родео, которое вы устроили во дворе второй городской больницы? Это что? Если это приличное поведение, то я... то я... – Балашов замолчал, ища, с кем бы приличным себя сравнить, и тем самым дал мне паузу, которой я сразу же и воспользовалась.

– К родео, как вы выразились, мы не имеем ни малейшего отношения! – твердо заявила я и даже легонько пристукнула ребром ладони по столешнице. – Ни малейшего! – Я повысила голос, имея на это полное моральное право. Это что же такое?! Сегодня обвинят в том, что мы хулиганим на улицах, а завтра что еще придумают? Такое спускать нельзя. – Понятия не имею, кто гонялся на тех зеленых «Жигулях», – продекларировала я и затушила сигарету в пепельнице. Очень здорово у меня это получилось, даже самой понравилось. – Но зато я знаю, что комендант дома, где жил этот ваш Будников, угрожал нашему сотруднику в присутствии свидетелей. Это как объяснить?

– Секундочку! – Балашов отбросил свой сладкий тон, навалился на стол грудью и резко спросил: – А разве это не ваш «афганец»-фотограф был за рулем этой машины?

– Еще чего выдумали! – откровенно возмутилась я. – Он все это время находился здесь в редакции и, насколько мне известно, никуда не отлучался! Вы что же это, собираетесь приписать нам явную уголовщину? Не выйдет, господин Балашов!

Я так рассвирепела, что даже вскочила со своего кресла и вышла из-за стола.

– Это комендант дома угрожал нашему журналисту, и вполне возможно, что именно его люди нанесли увечье нашему сотруднику. В любом случае здесь есть чем заняться правоохранительным органам, а к этому происшествию около больницы ни я, ни один из сотрудников газеты не имеем никакого отношения!

Мы препирались с Балашовым еще битый час, и в конце концов мне удалось его убедить, что наша газета вовсе не является филиалом незарегистрированной охранной фирмы, практикующейся на нестандартном решении проблем. С другой стороны, Балашов твердо пообещал, что комендант придет ко мне и принесет свои извинения за превышение полномочий. Искренними будут эти извинения или нет – меня не интересовало. Сан Саныча, впрочем, тоже. Мы оба понимали, что это всего лишь дань форме человеческого общежития.

– Он отвечает за охрану вверенного ему объекта, – извиняющимся тоном пояснил Балашов, – ваш... гм... сотрудник был настолько молод, что никто не смог поверить, что он на самом деле журналист. А он, кстати, в штате? – Сан Саныч задал этот вопрос безразличным тоном, но врасплох меня не поймал. Не за что было ловить.

– В штате, и давно, – напористо ответила я, не уточняя, впрочем, что по штатному расписанию Ромка числится всего лишь курьером. Нужно будет срочно перевести его в журналисты. Судя по нулевым результатам первого же дела, но уже получившего такой резонанс, мальчишка дорос до самостоятельной работы. Почти. Почти дорос и почти до самостоятельной.

– Ну, значит, мы договорились, Ольга Юрьевна, – завершая наш тяжкий разговор, произнес Балашов, вставая со стула. – Коменданта я пришлю с извинениями, а вы лишнего шума поднимать не будете и создавать сенсацию на ровном месте тоже не станете.

– Никогда этим не занимались, – честно призналась я и с облегчением увидела, как Балашов вышел и прикрыл за собой дверь.

Прикутив, я вышла следом. Балашов уже прошел через комнату редакции и вышел в коридор.

Я взглянула на Маринку.

– Виктор пошел за мороженым, – доложила она, скромно добавив: – Моя идея. Принесет на всех.

– Замечательно, – сказала я, чувствуя, что разговор с Балашовым утомил меня, как хороший футбольный матч, сыгранный мною лично от начала до конца.

Сергей Иванович поднялся со своего места, снял очки, и тут из коридора вдруг донесся душераздирающий мужской крик.

Наступившая после этого тишина оглушила и подействовала на нервы так же нехорошо, как и крик.

Кряжимский сразу же плюхнулся на стул и растерянно заморгал глазами. Маринка открыла рот и затем прикрыла его ладошкой. Не знаю, как я выглядела, но сердечко у меня забилося в ритме фокстрота и даже еще быстрее.

– Это еще что? – препротивно, дрожащим голосом прошептала Маринка.

– А я знаю? – шепотом огрызнулась я.

Кряжимский, вспомнив с очевидной неохотой, что он тут единственный мужчина, нацепил очки на нос, кашлянул и хрипловато произнес:

– Надо пойти посмотреть.

По его интонации явно читалось, что не надо ни смотреть, ни идти, и он был бы рад, если бы мы ему так и сказали. Но я тоже вспомнила, что я тут самый главный начальник, вот уж мне точно деваться некуда.

– Надо, – не совсем уверенно сказала я, стараясь все же взять себя в руки, – пойдемте вместе, Сергей Иванович.

Маринка застыла, как изваяние, и я, взглянув на нее, поняла, что оторвать ее от кресла не получится ни у кого. Даже у меня. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Я подошла к двери, ведущей в коридор, Кряжимский встал со мною рядом, но потом, все же решившись, толкнул дверь, и мы вышли, постоянно оглядываясь.

Коридор был длинный и освещен не очень хорошо светильниками дневного света, расположенными под потолком. В конце коридора справа находился выход. Несколько металлических шкафов высотой в полтора метра стояли почти возле выхода. У двери на полу лежал Балашов.

Послышались поспешные шаги на лестнице. Я крепко вцепилась в руку Сергея Ивановича, ожидая, что сейчас в проходе появится убийца с автоматом в руках и в черной маске на голове, но в коридор вошел наш Виктор, держа в руках полиэтиленовый пакетик с мороженым.

– Ты никого там не видел? – крикнула я, все-таки не выпуская рукав Сергея Ивановича. Так было спокойнее. Уютнее.

Виктор качнул головой и наклонился над Балашовым. Я тоже подбежала к нему. Кряжимский подошел за мною следом, покашливая и вытирая пот со лба мятым платочком.

Балашов лежал на спине, глаза его были закрыты. Кажется, он не дышал.

Виктор приложил ладонь к шее Балашова.

– Что? – шепотом спросила я, присаживаясь на корточки, но готовясь в любую секунду вскочить и бежать отсюда.

– Есть пульс, – ответил Виктор и стал ощупывать грудь Сан Саныча под пиджаком.

– Воды, что ли, принести, – неуверенно произнес надо мной Сергей Иванович.

– Да, пожалуйста, – сказала я и обратилась к Виктору: – Это ранение?

Виктор пожал плечами и расстегнул на Балашове пиджак.

Кряжимский, громко топая, убежал в редакцию. Виктор приподнял голову Балашова, провел пальцами по его затылку и посмотрел на ладонь. На ней отпечаталось маленькое кровавое пятнышко.

Вернулся Сергей Иванович и подал мне стакан с водой.

– Что, брызнуть ему в лицо? – неуверенно спросила я.

Виктор молча взял у меня стакан и выплеснул его содержимое на Балашова. Балашов вздохнул и открыл глаза.

– Слава богу, вы живы, Сан Саныч, – произнесла я с облегчением, – ну что же вы нас так пугаете?

Сергей Иванович с Виктором помогли Сан Санычу подняться. Тот вел себя очень неуверенно и, кажется, не совсем ориентировался в пространстве.

– Что это было? – слабо спросил он, делая вялые движения руками.

– Что именно? – ласково спросила я. – У вас был сердечный приступ, Сан Саныч?

– Да, да... – ровно ответил он, оглядывая нас с непонятным выражением лица.

– Вам нехорошо? – все так же бережно спросила я – а черт его знает, вдруг снова в обморок брякнется? – Пойдемте к нам в редакцию, Сан Саныч, посидите, отдышитесь...

Балашов непонимающе осмотрел нас троих и, видимо, приходя в себя, провел рукой по лицу, потом по рубашке на груди.

– Надо же, как вспотел, – тихо сказал он, – заработался я, наверное, вот оно и сказалось... У меня, понимаете, бабушка умерла позавчера... – Балашов снова посмотрел на нас и более неуверенно добавил: – Или вчера...

Мы переглянулись с Сергеем Ивановичем. Балашов в этот момент мне показался маленьким-маленьким мальчиком, притворяющимся солидным взрослым дяденькой. Надо же так переживать!

– Пойдемте к нам, Сан Саныч, – настойчиво повторила я, легко потягивая его за рукав пиджака. – У меня где-то валидол был.

– Не-ет! – неожиданно резко чуть ли не вскричал Балашов и засучил ручками, отбиваясь от меня и от Виктора. – Нет-нет, я – к машине. К машине!

Покачнувшись, он повернулся и тут же снова схватил Виктора за руку.

– Проводите меня, пожалуйста, – шепотом попросил он, потом, оглянувшись на меня, попытался улыбнуться, но вместо улыбки у него получилась какая-то кривоватая гримаса. – Я сам не знал, что я такой нервный... Бабушка умерла, это на меня повлияло, даже показалось, что...

– Что? – спросила я. – Что показалось?

– Н-ничего, извините, – оборвал сам себя Балашов и повернулся к Виктору: – Пойдемте, мой друг, у меня машина во дворе стоит. К машине, к машине...

Поддерживаемый Виктором, Балашов стал медленно спускаться по лестнице. Я повернулась и так же медленно пошла обратно в редакцию, напряженно ожидая, что вот-вот сейчас опять раздастся этот страшный крик и...

Я даже не знала, как бы я отреагировала на него... А что? Может быть, и завизжала бы. Запросто.

Однако все было тихо, и через несколько минут во дворе заурчал двигатель машины. Как раз я подошла к двери редакции. Представляете, сколько времени мне понадобилось, чтобы преодолеть это, в общем-то, небольшое расстояние? Спасибо еще Сергею Ивановичу, что он меня не подгонял, все равно я бы и не пошла быстрее.

Маринка продолжала сидеть на том же месте, только успела закрыть рот и, увидев нас, моргнула и шипящим шепотом спросила:

– Что там произошло? А то Сергей Иванович вбежал, как не скажу кто, налил воды и... Что случилось-то?

Я промолчала, а Сергей Иванович ответил, и в его тоне послышалось искреннее недоумение.

– Как я понял, Маринка, – сказал он, – гость Ольги Юрьевны упал в обморок прямо в нашем коридоре.

– Слабонервный, что ли, оказался? – удивленно хмыкнула Маринка. – Или это ты его, мать, так напугала? Что ты ему сказала?

– Да ничего особенного, – ответила я, открывая дверь своего кабинета, мне срочно захотелось перекурить все происшедшее.

– Как это «ничего особенного»? – возмутилась Маринка. Она выскочила из-за стола и встала рядом со мною. Ее глаза горели боевым азартом, лучше всего выражаемым названием старого киножурнала «Хочу все знать». – Это что за дела еще? Нормальный мужик падает в обморок после разговора с тобой, а ты говоришь, что «ничего особенного». Не влюбился же он в тебя с первого взгляда?

– А почему бы и нет? – моментально взъелась я. – Почему ты думаешь, что такого не может быть? Да, упал, да, после разговора со мною. А у тебя такое бывало?

– После тебя-то? А вот шиш тебе, у меня с психикой все в порядке! – довольно заявила Маринка и обратилась к Сергею Ивановичу: – Может, вы мне, наконец, скажете, что там произошло с этим меном?

– Мне кажется, он просто-напросто упал в обморок, – повторил Кряжимский, садясь на свое рабочее место.

– На самом деле? – изумилась Маринка, упирая кулаки в бедра. – Без шуток юмора? Ну и мужики, блин, пошли какие-то изнеженные. И давно это с ним, он не сказал?

– Мне показалось, что он сам удивился своей реакции, – сказал Сергей Иванович. – Видок у него был уж очень потрясенный. Правда, еще он сказал, что у него недавно умерла бабушка. Два раза...

– Два раза умерла?! – воскликнула Маринка и, вконец обалдев от наплыва такой неординарной информации, всплеснула руками. – Сергей Иванович, дорогой, а вы...

– Я хотел сказать, что он два раза упомянул об этом, – морщась, пояснил Кряжимский, досадуя на корявость собственной фразы.

– А-а-а, понятно, – задумчиво протянула Маринка, – все равно он размазня, а не мужик. Что за дела такие? Бабушка умерла, а он среди белого дня в обморок падает!

Я зашла в свой кабинет, постояла немного и, захватив пачку сигарет и пепельницу, вышла к народу. Всем хорош мой кабинет, но после фокуса, выкинутого психом Балашовым, мне здесь стало неуютно. Сегодня, по крайней мере.

Я снова вышла в комнату редакции, и тут из коридора вошел Виктор.

– Отправил гостя? – спросила я.

Виктор кивнул и усмехнулся.

– Что с тобой? – тут же спросила его Маринка и потребовала: – Не молчи, не молчи, объясняй, что произошло еще?

– Крендель все про покойников говорил, – ответил Виктор, снова усмехаясь.

– Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша, – проговорила я. – Вот так люди и надываются на честной работе в правительстве.

– А он из правительства, да? – спросила Маринка, пытавшаяся все всегда знать в самом полном объеме.

– Из городской администрации, – сказала я, – помощник мэра или вице-мэра, не помню точно.

Я протянула руку к Маринкиному столу, чтобы поставить на него пепельницу, как вдруг из коридора послышался еще один резкий мужской крик:

– Еб твою мать!!!

От неожиданности я уронила пепельницу.

– День придурка, – прошептала я и, наклонившись, подняла пепельницу с пола.

Растворилась дверь, и в редакцию медленно вошел знакомый мне седой комендант нехорошего дома. На его лице застыло странное выражение удивления и испуга. Он был бледен, но, слава богу, хоть в обморок не падал.

– Ну, бля, мозги всю парят, – тихо проговорил комендант, обводя нас всех невидящим взглядом, – всякая хрень мерещится... Вы бы это... того... – Комендант нахмурился и чмокнул губами. – Вы бы попа, что ли, позвали, чтобы, значит, помахал вам здесь и побрызгал, а то, бля... да-а...

Комендант замолчал, кашлянул и уже более осмысленно взглянул на меня и на Маринку:

– Ну вы, значит, женщины, не пылите на меня, я не со зла, а, типа, по службе. Без обид?

Я переглянулась с Маринкой, мне показалось, что каждая из нас молча попросила другую обеспечить хотя бы примерный перевод сказанного. Не дождавшись перевода, мы посмотрели на коменданта и почти синхронно кивнули ему.

– Ну, значит, лады, – сказал комендант и, повернувшись, направился к выходу. В дверях он обернулся и сказал: – А попа надо звать, нечисто у вас тут. Нечисто.

Глава 5

После ухода коменданта в помещении редакции повисла пауза, которая сильно затянулась. Я прикурила и молча переваривала чушь, которую произнес седой гоблин. Сергей Иванович защелкал клавиатурой компьютера, Виктор снова пошел в мой кабинет, откуда вернулся с кофеваркой. Маринка, как всегда, первой нарушила молчание, потому что молчать у нее уже просто не было сил.

– Вы хоть понимаете, что здесь происходит? – задала она риторический вопрос в пространство.

Ей никто не ответил, но Маринка в этом и не нуждалась. Она властно отодвинула Виктора от кофеварки, занялась приготовлением кофе сама и на какое-то время затихла. Однако затишие это было ненадежным и скоротечным.

Через минуту последовало продолжение.

– Оля! – напористо высказала Маринка. – Это кладбище!

– Где? – рассеянно спросила я, честно говоря, подумывая на ту же тему, но не признаться же в такой слабости всем сразу!

– Под домом, вот где! – громко и четко, словно диктуя мне телеграмму на неизвестном языке, продекламировала Маринка. – Под тем гадским домом! Мы вляпались в это дело, и вся чертовщина постепенно переходит на нас! – Маринка обвела взглядом всех присутствующих, но восторженных аплодисментов не последовало. Не сдавшись, она продолжила: – Нужно вызвать попа-батюшку! Пусть отмаливает все наши помещения и нас вместе с ними.

– С кем – с ними? – терпеливо попросила я уточнений и бросила быстрый взгляд на Сергея Ивановича. Тот все продолжал щелкать, но, кажется, ритм вроде бы изменился и замедлился.

– С помещениями! Ты что, не понимаешь, что ли? – Маринка, отскочив от стола, встала напротив меня. Вид у нее был достаточно угрожающ. Я даже заопасалась этого внезапного приступа псевдорелигиозного фанатизма. – Я-то все поняла! – продолжила Маринка. – Этот твой тип из правительства не просто так бабушку свою покойную вспомнил! Она к нему пришла! А рожу у коменданта ты видела? Ты видела его рожу, я тебя спрашиваю?

Чтобы только избавиться от обвинений, что ее не слушаю, и застраховаться от повторений, я, не подумав, проговорила:

– Как... тебя...

– Что? – с мгновенно упавшей интонацией спросила Маринка, но, так как я решила, что лучше уж промолчать, она продолжила: – И ему тоже какая-то бабка привиделась!

– Или дедка, – задумчиво вступил в разговор Сергей Иванович, не прекращая, впрочем, своей работы.

– Перестаньте вы шутить! – потребовала Маринка. – Мне не до смеха! Я не хочу однажды поднять голову и увидеть здесь какого-нибудь графа Дракулу с крылышками...

«...как у прокладок», – подумала я, но, видно, сама не заметив, прошептала это вслух, потому что Сергей Иванович хмыкнул и склонился еще ниже над клавиатурой.

– Не-ет, здесь явный сумасшедший дом! – наконец-то поняла Маринка и вернулась к захлопавшей кофеварке. – Вы все психи, одна я нормальная. Короче, как хотите, а я звоню в церковь какую-нибудь и приглашаю священника. самого главного. Игумена! Или архимандрита!

– Зачем, позвольте узнать? – мягко спросил ее Сергей Иванович, поднимая глаза от клавиатуры. Несмотря на его серьезное лицо, я по глазам поняла, что к ситуации он относится с нормальным юмором, как и положено неэкзальтированному человеку.

– Да я все объяснила! – искренне удивилась Маринка такому вопиющему факту, что вокруг нее еще остался кто-то в чем-то ее не понявший. – Устроим здесь молебен, и после этого атмосфера очистится, и работать станет легко, и воздух будет свежим. В духовном плане, я имею в виду. Сергей Иванович! Диктуйте телефон церковного управления! – Маринка решила перейти к действиям и, как всегда, вместо реального дела стала раздавать приказы. – Я буду звонить!

– Не смейся людей, Марина, – тихо сказала я.

– Я никого не смешу, я забочусь о нашей общей духовной безопасности! Не знаю, как тебе, Оля, а мне, точно говорю, всю ночь будут сниться кошмары! – Маринка выжидательно посмотрела на Сергея Ивановича, который, по ее мнению, уже должен был зарыться в телефонный справочник.

Я взглянула на Маринку и поняла, что утомониться она не сможет. Даже наоборот – только укрепляется в своем решении.

– Сергей Иванович, вы нашли номер телефона? – потребовала она.

– Нашел, Мариночка, – приветливо отозвался Кряжимский и полюбопытствовал: – А вы в синагогу позвонить не хотите?

– А зачем в синагогу? – опешила Маринка. – А вы думаете... А, это для вас... – Маринка задумалась и смешалась. Ее убежденность в собственной правоте была поколеблена одним только вопросом. Bravo, Сергей Иванович!

– Сергей Иванович, – поддержала я инициативу Кряжимского, – а, помнится, мы что-то изучали там по курсу истории религий... вроде как между нашими религиями существует антагонизм?

– Есть такое дело, Ольга Юрьевна, в какой-то степени они даже враждуют, – подтвердил Сергей Иванович и защелкал клавиатурой быстрее.

– Вот устроим тут битвы в духовном плане, и как бы еще хуже не стало, – задумчиво произнесла я, ни к кому персонально не обращаясь.

Маринка, вытаращив глаза, посмотрела на меня, потом на Сергея Ивановича и, не желая сдаваться сразу, неуверенно спросила:

– Сергей Иванович, а с муллой у вас антагонизма нет?

Я, чтобы не рассмеяться, напрягла изо всех сил мышцы рта и еще, на всякий случай, прикрылась ладонью, стараясь, однако, чтобы взгляд у меня оставался серьезным-серьезным.

– А кто у нас тут мусульманин? – медленно спросила я. – Ты, что ли? И давно?

– А что такого? Бог-то один! Вот пусть он один всем нам и помогает! – заявила Маринка, но по ее тону было ясно, что она уже сдается.

– Прекрати, даже слушать неинтересно, – откровенно отмахнулась я. – У меня вот какое предложение...

– Ну-ну, – энергично закивала Маринка и попробовала поехидничать: – Буддистов пригласить, да?

– Ай, прекрати наконец! – прикрикнула я. – Я предлагаю, если уж мы занялись делом Будникова, быть логичными. Не мешало бы нам съездить на место аварии. Вы как думаете, Сергей Иванович?

– Для репортажа это, конечно, имело бы смысл, – ответил Кряжимский и подмигнул мне.

– Значит, надо ехать, – решила я. – Кто со мною?

– Я! – крикнула Маринка и тут же выключила кофеварку. – А кофе можно будет попить и потом, завтра, – сказала она и тут же принялась обеспечивать себе спокойное будущее: – Только я без Виктора не поеду! Черт его знает, что еще может случиться, если уж пошли такие непонятки!

– Да, я тоже думаю, что Виктора придется пригласить поехать с нами, – согласилась я.

Я всегда поддерживала здравые Маринкины предложения, вот такие, как это, например.

– Поедешь, Виктор? – спросила я нашего молчаливого фотографа больше из любезности, чем из действительного желания узнать его мнение. Все равно и так было ясно, что он с нами поедет куда нужно и на сколько нужно.

Виктор молча кивнул, что и следовало ожидать.

– Значит, собираемся! – сразу же загорелась энергией Маринка, вскочила со стула и начала наводить порядок на своем столе.

Сергей Иванович, не поднимая головы от клавиатуры, кашлянул. Мне показалось, что я поняла его правильно.

– А вы, Сергей Иванович, – спросила я его, – вы поедете с нами?

– А надо? – Он поднял глаза, и особенной страсти к путешествиям я в них не увидела. – Конечно, поеду, только...

– Да, действительно, – кивнула я. – День сегодня выпал утомительный, наверное, езжайте домой и отдохните.

– Уже вечер начинается, – заметила Маринка, поглядывая в окно, – а может быть, мы все разойдемся, а к тому месту поедem завтра с утра, а?

Я с удивлением взглянула на нее:

– Тебе же понравилось мое предложение.

– Да мне любое предложение понравится, лишь бы уйти отсюда поскорее. Не нравится мне здесь. Нечисто тут. Вот.

– Ну, хватит, – отрезала я, – чисто-нечисто, надоело, честное слово! Маешься тут херью прилюдно, и самой не смешно. Не хочешь ехать к мосту, езжай домой, мы с Виктором вдвоем сможем и посмотрим, что там да как.

– Хорошо, – тоном наивной девочки проговорила Маринка, – может, вам даже и лучше будет без меня. Только, Оль, дай мне ключ, пожалуйста.

– Какой ключ? – не поняла я.

– Ключ от твоей квартиры, – лицемерно заулыбалась Маринка. – Ты что же думаешь, я поеду к себе? Мне страшно!

– А вот фиг тебе, а не ключ.

Я здорово обиделась на подругу. Возможно, тут сыграло свою роль то, что этот длинный день до краев был переполнен самыми неординарными событиями, но что-то во мне разыграло, и я, резко повернувшись к ней, поставила вопрос ребром:

– Значит так, подруга! Или ты едешь с нами, и если все будет нормально, то потом, так уж и быть, я тебя приглашу к себе погостить до утра. А не поедешь – катись в собственную квартиру, извини за выражение!

– Я тебе ужин приготовлю, – попробовала меня купить Маринка за очень дешевую цену, но я отказалась:

– Сама умею. К тому же я на диете.

– И давно? – сразу же заинтересовалась она. – И какая у тебя диета?

– Короче, едешь? – сухо спросила я.

– Да! Да-да-да-да! – Маринка покраснела от обиды на мою бессердечность. – Ты довольна?

Мы еще повоевали с Маринкой некоторое время, но потом в общем-то мирно собрались, все вместе вышли из редакции и спустились вниз. Пока мы шли, Маринка старалась держаться ближе ко мне. Это было странно, но лстыло: все-таки она рядом со мною ощущает себя как бы под защитой, что ли, от всякой нечисти.

Мы вышли во двор и попрощались с Сергеем Ивановичем. Он пошел направо, а мы направились к моей «Ладе», стоящей у своего обычного места, почти напротив дверей здания.

По тротуару мимо нас прошла увлеченная друг другом пара, не обращающая внимания ни на кого, кроме себя. Мне пришлось остановиться и задержать за руку Маринку, чтобы пропустить молодых людей, занятых разговором.

Симпатичная коротко стриженная девушка прижималась плечом к высоченному парню в кожаных брюках и искательно заглядывала ему в глаза.

– Антон, – с застенчивой улыбкой сказала она, – давай в церковь зайдем, а? Свечки поставим: я у святой Елены, а ты у...

– Да ты с дуба рухнула, жабенция! – изумился парень. – Денег на водку не хватает, а ты про какие-то свечки мне бутер вчехляешь!

Девушка промолчала, вздохнула и прижалась к парню еще сильнее.

– Любовь! – прокомментировала Маринка, когда мы подошли к «Ладе». – Даже завидно, блин! А тут какая-то газета, какие-то аварии, привидения дурацкие... Э-эх!

Ни я, ни Виктор не поддержали разговора. Виктор – по привычке, а я – из принципа.

Виктор сел за руль, мы с Маринкой – на заднее сиденье, и очередное путешествие за сегодняшний день началось.

Место, где произошел несчастный случай с Будниковым, находилось сравнительно далеко за городом, в том месте, где уже заканчивались дачные поселки и клинами в них входили обрабатываемые фермерские поля.

Здесь протекало несколько речушек, то ли притоков Волги, то ли вытеков из отстойников городских предприятий, но в любом случае эти водоемы уже получили как бы прописку в местных пейзажах и картах района, и несколько сравнительно добротных мостов обеспечивали переезды с берега на берег.

Чтобы нескучно было нам ехать, Виктор включил радио. Когда до нужного нам места оставалось ехать всего десять или пятнадцать минут, местный канал передал последние новости. В том числе была и одна про нахождение неизвестного трупа в районе впадения в Волгу речки Гуселки.

– Ну вот и Будников нашелся, – с намеком на черный юмор пробормотала Маринка. – Все-таки погиб мужик. А кстати, Оль, что от тебя было нужно этому дяде из администрации?

– Он просил очень-то не заикливаться на этом деле, – ответила я, – а еще он сказал интересную вещь. Он сказал, что Будников был ему товарищем по работе!

– Так Будников, получается, работал в правительстве? – Маринка села удобнее и выдала интуитивный результат: – Здесь замешана политика! Точно тебе говорю! Будников работал в правительстве?

– А черт его знает, я как-то не спросила, – промолвила я. – А вот этот-то момент и нужно будет прояснить!

– Конечно же! Не просто так все они переполошились! – затараторила Маринка, но, увидев, что я откровенно скучаю, обиженно замолчала.

Свернув несколько раз, мы подъехали к нужному нам мосту. Мост через приток был вовсе не таким хлипким, как мне представлялось по скучным передачам «Криминального радио». Во-первых, он был бетонным, а во-вторых – с крепкими на вид, бетонными ограждениями. Эти ограждения приблизительно на середине моста справа были буквально сметены в двух пролетах.

Сама речка тоже была шириной приблизительно метров в пятьдесят, что в сравнении с коренной Волгой, конечно же, просто ничто, но для любой легковой машины ее ширина и, как оказалось, глубина были достаточными.

– Вот, похоже, он тут и скovyрнулся, – несколько развязно сказала Маринка.

Виктор, не доезжая до моста с десятков метров, остановил машину, почти загнав ее носом в чахлые запыленные заросли, растущие вдоль дороги.

– А что, нельзя было на дороге оставить? – спросила Маринка, уже чем-то недовольная и только и ищущая повод поворчать и поругаться.

– Зачем соблазнять людей? А то врежутся еще, – ответила я. Мне показалось, что именно такой была цель маневра Виктора, а он, как всегда, ничего не объяснил.

Я вышла из машины на свежий воздух первой, за мною, кряхтя и щурясь на слабеющее солнце, появилась Маринка. Она сделала только пару шагов по перемятому асфальту дороги, остановилась, облокотившись на открытую дверь «Лады», потянулась и шепотом выругалась.

– Ты что это? – поддержала я разговор.

– Да так, для тонуса, – уклончиво ответила она и с весьма неприветливым выражением на лице начала осматривать окрестности.

Достопримечательностей здесь было немного.

Кроме моста через речку, являющегося центральной частью представленной экспозиции, справа от дороги возвышались невысокие холмы и холмики, заросшие редкими деревьями и частыми кустарниками. В двух или трех местах среди деревьев выглядывали крыши и башенки недостроенных коттеджей.

Слева, как я уже говорила, были дачные участки самого убогого вида, а холмов никаких не было.

Подождав Виктора, через полминуты присоединившегося к нам, мы втроем, то есть уже в полном экспедиционном составе, направились к мосту и вошли на него.

Несмотря на то, что после аварии, почти наверняка унесшей жизнь Будникова, прошло уже достаточно времени, черный след от его «девятки», четко прорисованный на старом асфальтовом покрытии моста и уходящий за его пределы, все еще был четко заметен.

Я посмотрела на это прикладное нерукотворное граффити.

– Он тормозил? – спросила я у Виктора, нашего признанного редакционного эксперта-следопыта.

Виктор присел, зачем-то потрогал след пальцем, посмотрел налево, потом направо и наконец пожал плечами. На его условно-человеческом языке в данном контексте это означало сомнение и отсутствие четкого ответа. То есть Виктор не мог точно определить, тормозил ли Будников перед смертью или же нет. И вот это уже было странно.

– Если человек несется с большой скоростью и видит перед собой препятствие, за которым его ожидает лучшая вселенная, он не должен продолжать ехать вот так прямо и целеустремленно. Он должен или затормозить, или, по крайней мере, попытаться свернуть, – произнесла я длинный и умный текст.

– Красиво излагаешь, – ехидно поддакнула Маринка и тут же произвела первый подкоп под мои слова: – Но это все справедливо, только если он в себе. Трезвый, то есть.

– Или живой, – теперь уже я дополнила ее.

– Или вообще в сознании, – не унялась Маринка.

– Или в сознании, но не в состоянии действовать, – добила ее я.

– Это как? – не сообразила Маринка и задумчиво моргнула несколько раз на меня и на Виктора.

– Да мало ли как, – пожала я плечами. – Отвлекло его что-нибудь, нашего Будникова. Или он был связан или находился под стволом.

– А куда же делся тот, который ствол держал, – весьма справедливо спросила Маринка, – или это был Карлсон с пропеллерчиком?

– Вот на все эти вопросы и должно ответить следствие или мы, – вздохнула я.

– Или никто.

– Или никто, – согласилась я и огляделась.

Ничего не изменилось за время нашего шерлокхолмского разговора. Справа все так же стояли коттеджи на холмах, а слева расстилалась убогая степь. Кое-где ровность пейзажа нару-

шали косые да кривые перегородки, называемые дачниками заборами, да чернели туалеты. Не типа Эм-Жо, как говаривал незабвенный Лелик из «Бриллиантовой руки», правильнее было бы определить их тип как Эм и Жо. Ну да это неважно.

Народу на участках было, прямо скажем, негусто. Энтузиазмом местные мичуринцы переболели уже давно. Только на ближайшем к дороге участке ковырялся в земле невысокого роста мужичок самого затрапезного вида.

Он был одет в грязную телогрейку бывшего синего цвета, без рукавов, бейсбольную шапочку и в обвислые выцветшие треники. Мужичок неспешно ковырял землю лопатой, и был он здесь единственным представителем стареющего и становящегося реликтовым племени дачников.

– Ну что, будем крутить аборигенов на информацию? – спросила я сама себя, ожидая, разумеется, от Маринки поддержки этой идеи.

– Этого-то? – Маринка прищурилась на трудолюбивого дядечку. – Уж больно-то он непрезентабельный какой-то...

– Боишься, что имидж пострадает? – спросила я и, не оглядываясь больше на свою подругу, смело пошла по направлению к этому трудоголику. Моя смелость заключалась в полном пренебрежении к мнению своих туфель по поводу отсутствия асфальта на всем пути к дачнику.

Этот дачник-огородник стоял к нам спиной, равномерными движениями окучивая грядки. Подойдя ближе, я услышала звуки, похожие на слабый стон. Насторожившись, я прислушалась и через несколько шагов поняла, что это был не стон, а пение: дядечка пел, тихо выводя надрывные трагические слова: «Ой-ей, шире Вселенной горе мое!»

Маринка, шкандыбавшая позади меня, громко фыркнула, тоже, наверное, поняв, откуда и какой вокал раздается на просторах здешних палестин.

Услышав посторонние звуки на фоне своего сольного исполнения, дядечка распрямился и оглянулся.

Теперь уже я смогла разглядеть его анфас, а не только со стороны кормы.

Сперва мне бросилась в глаза несколько дней не бритая физиономия. Потом кривовато сидевшие на носу у мужичка темные очки в толстой пластмассовой оправе розового цвета. Ну а на сладкое, когда я уже приблизилась и нас разделяло не больше двух-трех шагов, на меня повеяло сильнейшим запахом. Запахом, являющимся убийственной смесью чего-то мерзюче-алкогольного с вонью давно несвежего белья.

Сей аромат так сильно ударил меня по органам обоняния и по нервам, что я остановилась и, срочно достав из сумки сигарету, прикурила ее.

– Негде атмосферу больше портить? – проворчал дяденька, неодобрительно сверкнув на меня стеклами очков.

– Извините, – предельно приветливо сказала я, – с вами можно поговорить? Мы из газеты, журналисты.

– Из «Советов огороднику»? – активно любопытствовал дяденька, но мне его пришлось разочаровать.

– Нет, из другой. Мы интересуемся падением машины с моста. Вы, случайно, не видели, как все произошло?

– Не ты первая, не ты, тут уже и эти из органов шастали, и еще кто-то, – проворчал дяденька, быстро теряя интерес к разговору. – Ходят, отвлекают от работы, мешают...

Он еще что-то продолжал ворчать и даже снова взялся за лопату, но тут высунувшаяся из-за моей спины Маринка спросила:

– А вам нескучно здесь одному?

– А что, помочь хочешь? – Мужичок хитровато улыбнулся. – Вторую лопату я найду, если будет нужно.

– Не хочу, у меня аллергия к растениям. Ко всем, – пожаловалась Маринка. – А почему вы не хотите поговорить? Мы же вас не укусим за это.

– Не укусите, – повторил дяденька и снова проныл: – «Шире Вселенной горе мое!» Да хоть и укусишь, я этой хери уже не боюсь... Да... – Дядечка поднял руку и грязным пальцем жестоко поскреб себе затылок. – Тут вот я приехал на дачу, значит, нес с собою красненькую, чтобы в обед как белый человек аппетит себе подогнать. А пакет порвался, она упала и разбилась... А ты говоришь: «не укусим»! Да кусай, что, мне страшно, что ли?

Дядечка крякнул и сплюнул себе под ноги. Маринка толкнула меня локтем.

– А мы вам дадим денег, – сразу же сообразила я, доставая из сумки кошельки и начав отсчитывать купюры, – на красненькую вам точно хватит.

– Хватит? – недоверчиво покосился на мои руки мужичок. – Так что ты там хотела спросить-то? Спрашивай, а то мне некогда, – сурово проговорил он, а сам протянул руку, и я вложила в нее деньги.

– Там даже на беленькую хватит, – зачем-то влезла с пояснением Маринка и кольнула: – Кончится ваше горе.

– Ну, в общем, – дядечка бережно спрятал деньги в задний карман трико, – ну, в общем, видел я, как он, значит, еб... ну то есть упал с моста. Слышу: машина едет и быстро так, словно за ним гонится кто-то. Здесь же мост, здесь все нормальные люди тормозят, а этот крутой, значит, будет... вот он как въехал со всей своей крутизной, так и проломил перила-то. Видели? – Дядечка махнул рукой, и я быстро закивала, демонстрируя сообразительность. – Ну вот и скочился. – Дядечка с хрустом почесал живот под телогрейкой. – А я в это время с автобуса шел. Подбежал к мосту, смотрю, а драндулет его уже кверху жо... ну задом, значит, плавает, а потом и пяти минут не прошло – совсем утонул. Вот так было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.